

Анна Клименко

КУБОК ЛУННИКА

Анна Клименко

Кубок лунника

«Автор»

2011

Клименко А.

Кубок лунника / А. Клименко — «Автор», 2011

Чем себя может занять рядовая ведьма, если преподавать в академии объединенного волшебства – скучно? Развлечений вокруг – превеликое множество. Во-первых, можно ввязаться в неприятную историю с участием призрака, во-вторых – начать собственное расследование убийства, в третьих – помимо воли стать секретным агентом его величества... А для начала очутиться в гостинице «Кубок лунника» чуть раньше назначенного дня.

© Клименко А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть 1. Легенды и призраки пустошей	5
Удачное начало каникул	10
Замок лунного лорда	29
Преступления забытые и не очень.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Клименко

Кубок лунника

Часть 1. Легенды и призраки пустошей

– Я вижу, ты не очень-то рад меня видеть.

– Ты умер довольно давно, и это меня извиняет, не так ли?

В окно заглядывала кровавая луна.

Проклятая луна Сэлдима, с силой которой невозможно бороться, и тогда единственное, что остается – все ночи проводить взаперти, царапая когтями подлокотники старого кресла и в кровь кусая губы. Упаси Эо в таком виде показаться на глаза кому-нибудь из этого прогнившего насквозь городка! Нет, они, конечно же, ничего не смогут сделать. Слишком велик страх перед лунной немочью, которая нет-нет да собирает обильную жатву... Но кто знает, а вдруг пересилит застарелая ненависть? Никогда не понять этих людей. Да и то, что от них остается, тоже понять сложно.

По кабинету медленно плавал призрак. Сквозь него можно было разглядеть и мебель, и старинные гобелены, и мозаики на стенах, но этот факт отнюдь не умалял могущества разупокоенного духа. Призрак плавно перемещался – высокая, худощавая фигура в кафтане с позументом. Если бы его ноги касались пола, то можно было бы сказать, что он «в задумчивости меряет шагами комнату». А так – он именно плавал, и длинные волосы парили за спиной как плавники золотой рыбки.

– Что тебе нужно?

Призрак обернулся, сложил руки на груди. Когда-то он был ведьмаком Хаором, который... Впрочем, теперь уже безразлично.

– Мой покой потревожил идиот с лопатой, – глухо сказал призрак Хаора, – мне это не нравится.

– Я должен разыскать того, кто бы восстановил твою могилу?

– Это подождет, – призрак рубанул ладонью по воздуху, – раз уж я здесь, то должен кое-что сделать, а ты мне поможешь. Ведь за тобой должок, Альвен, и должок немалый.

– Я не страдаю забывчивостью...

– Но и избытком благодарности, судя по всему, тоже не страдаешь.

Призрак умолк, затем принялся озираться по сторонам, как будто с трудом понимая, где находится. Потом сцепил руки за спиной, покачал головой.

– Мои поздравления, Альвен. Как я погляжу, ты в милости у нынешнего государя. Ведь это твой замок, а?

– Мы стали полезны, – тут уж он позволил себе легкую усмешку, – оказалось, что только рядом с нами людям не страшна лунная немочь.

– Пфу! – Хаор топнул по воздуху ногой, обутой в высокий сапог, – и не тошно тебе, а? Исцелять тех, кто хотел выпустить из тебя всю кровь? Право же, ты меня разочаровываешь.

– Те, кто хотел моей смерти, давно мертвы. Как и ты, Хаор.

– Те мертвы, эти живы. Неужели ты думаешь, что они упустят возможность тебя сжечь? Или выпотрошить? Или, наконец, отравить?

В кабинете повисла тишина, какая бывает только в гробу. Призрак ведьмака парил в футе от пола, хозяин замка неподвижно замер в кресле. Разумеется, Хаор Ливори был прав, целиком и полностью. Но так что же теперь? Бросить это постылое, но единственное жилище и вновь удариться в бег? Снова жить в лесу, рвать зубами дичь и до полусмерти пугать своим видом виллан? Хотя... мысль о горячей крови оказалась настолько заманчивой, что он едва не завыл

от бешеного, необоримого желания ощутить во рту солоноватый, с божественной горчинкой вкус. Зубы – от одних только мыслей о дичи – заострились, выросли, пальцы скрутило судорогой, вестницей скорого превращения...

– Луна Сэлдима, кровавая луна, – задумчиво проговорил призрак, – я искренне тебе сочувствую. Не хотел бы я... вот так.

Глубокий вдох. Выдох.

Сейчас главное – успокоиться. Подумать о чем-нибудь... далеком от крови. Например, о Джин, о бедной малютке Джин. Она ведь всегда будет беззащитной крошкой, совершенно собой не владеющей, и ее надо беречь, потому что обещал...

– Чего ты хочешь, Хаор? – пока он цеплялся за мысли о Джин, пальцы обрели прежнюю, вполне человеческую форму.

Бывший ведьмак внезапно приблизился, повис на расстоянии вытянутой руки. Глаза у него были... когда-то просто темными, непонять какого цвета. А теперь стали двумя провалами в бесконечность, опасными омутами, водоворотами, затягивающими вглубь.

– О, я хочу совсем немного, Альвен. Я хочу, чтобы ты написал одно письмо, одно очень важное письмо. Раз уж мою несчастную могилу потревожили, я сделаю то, что должен. В конце концов... полагаю, это будет правильно для всех нас.

* * *

Была середина месяца Сэлдим.

За высоким стрельчатым окном Академии шумели акации, по самую макушку укутанные в бело-розовые шали, величаво колыхалась лиловая пенка сирени, снисходительно покачивали головками тюльпаны – сочного красного цвета, словно бокалы, наполненные свежей кровью – избитое, но верное сравнение. Заснеженный пик Солнечной горы сиял как остронаточенный клинок; ему тускло и презрительно вторила пологая Лунная гора. И повсюду пахло весной! Невзирая на то, что никто и никогда не скажет, каким именно должен быть аромат этого благодатного сезона, сколько простых и незамысловатых запахов должно сплестись в этот забываемый и изысканный букет.

...А в прохладной аудитории выл, надрываясь, призрак висельника. Он тарашил глаза, вытягивал костлявые руки и пытался цапнуть за горло студента, который предпринимал лихорадочные попытки *изгнания*, но имел весьма смутные представления о ритуале, и оттого раздражался все сильнее, краснел, белел и поминутно озирался на экзаменатора.

Малика Вейн, положив подбородок на сцепленные пальцы рук, уже не глядела на подопечного. Ее взгляд, минуя оконный проем, купался в дымке вокруг Лунной горы, перебегал с одного облака на другое, окунался в разлитое золото холма, сплошь поросшего нарциссами... Госпожа Вейн мысленно пребывала на коротких каникулах, которые, как известно, даны не только студентам, но и преподавателям почтенной Академии Объединенного Волшебства.

Каникулы.

Это слово карамелькой каталось на языке, будоража фантазию. Сколько еще занятных уголков Этернии осталось непосещенными? Всей долгой ведьминой жизни не хватит, чтобы везде побывать! Пещеры мятежных лунников, живые замки, которые вырастают из семечки словно морковка, призраки гробниц... Всего не упомянуть, да и незачем.

Малика зажмурилась в предвкушении. Куда-то занесет ее в этот раз? А ведь дома на журнальном столике остался пухлый каталог «На заметку путешественнику», и гусиное перо, которое Малика использовала в качестве закладки, отдыхало как раз меж страниц с видами на замок лунного лорда...

– Сил моих больше нет! – из объятий розовых грез Малику вырвал голос призрака, – госпожа Вейн, отпустите уже! Уморился, о-ох!

Студент погрозил привидению кулаком и повернулся к Малике.

– Госпожа Вейн, ну госпожа Вейн... Войдите в мое положение.

Она сочла нужным оторвать подбородок от сцепленных пальцев – исключительно для того, чтобы полистать распластанную на столе зачетную книжку.

– Эмират Лакхейм, правильно?

Парень, громко топая, подошел к столу. Торчащие в стороны уши пылали от смущения, лицо и шея пошли розовыми пятнами, но глаза – серые как пасмурный день – глядели насмешливо и дерзко из-под длинной белобрысой челки. Призрак тут же исчез, вернувшись на изначную сторону Этернии – благо, на него больше не обращали внимания.

– Он, точно, он, – Студент провел трясущимися пальцами по давно немытым волосам.

Малика неторопливо переворачивала страницы зачетной книжки.

– Ну-у-у, господин Лакхейм... Троечку вам поставлю. Устраивает?

Парень даже побледнел от праведного негодования.

– Это еще почему?!!

И тут уже смутилась Малика. Ей, конечно, не привыкать – и все равно, неприятно, когда студенты начинают выпрашивать «четверки» и «пятерки». Как будто в этом была ее, Малики, вина... В том, что оболтус не выучил порядок проведения ритуала изгнания призрака.

– Тогда приходите, сударь мой, осенью, – холодно ответила она, стараясь не глядеть в наглые глаза юноши с вычурным именем Эмират.

В ответ началось ворчание и бормотание.

– Я не могу... осенью... меня родители из дому выгонят... госпожа Вейн, войдите в положение...

– Тогда троечку, – подмигнула Малика, – и ни баллом больше.

– Малова-ато, – протянул господин Лакхейм.

Переговоры явно зашли в тупик, и при этом каждая из сторон не считала нужным уступить.

Малика побарабанила пальцами по столу, мимоходом подумала – какое хорошее, теплое дерево, и как приятно просто прикоснуться к нему рукой. Всяко приятнее, чем к одному из призраков, наводнивших Этернию после пика эпидемии...

«Ох-хо-хох, ну когда же ты уgomонишься?» – она с досадой смотрела на студента, – «Йоргг, ну хоть бы кто-нибудь пришел!»

Малика стрельнула глазами в сторону двери, упрямо повторила:

– Или «троечку» или приходи осенью.

– Не надо! – в который раз захныкала жертва магической науки, – где же справедливость?

– Если будешь ждать справедливости от жизни, так и помрешь раньше срока, – назидательно процедила Малика.

Она все-таки продолжала поглядывать на дверь, как будто... Дремлющая доселе интуиция проснулась и нашептывала – мол, что-то сейчас произойдет.

И потому ведьмапочти не удивилась, когда в кабинет ворвался посыльный Академии, кривоногий карлик в форме ярко-зеленого цвета. За глаза его так и звали – «Лягух».

Сам посыльный, разумеется, знал о том, как его величают, и поначалу обижался, анеисправимая сплетница Элти Брунн по секрету рассказывала всем о том, посыльный давно и безнадежно влюблен в чувствительную леди Витшеп с факультета воздушной стихии, и именно поэтому нет-нет, да видны в его карих глазах слезы.

Потом все как-то сошло на нет. Лягух так и остался Лягухом, треволнения улеглись, и жизнь покатила дальше по наезженной колее.

– Госпожа Вейн, госпожа Вейн! О, вы здесь? Хвала Эо! А я-то вас обыскался!

Разглаживая одной рукой короткие усики, другой Лягух уже тянул Малике письмо.

– Пришло вместе с академической почтой. Прошу заметить, здесь даже имени вашего нет. Помечено – «Для изгоняющей призраков». Ну, а так как вы у нас одна-единственная...

Малика осторожно приняла послание. И – вот ведь странно! Стоило коснуться теплой и гладкой бумаги, как под левой лопаткой что-то нехорошо кольнуло.

– Спасибо, – растерянно сказала Малика, – я все равно уйду домой, почитаю...

– А как же я? – возмущенно пискнул Эмират.

Она посмотрела на конверт. Адрес Академии Объединенного Волшебства был выведен твердой рукой, но образцом каллиграфического искусства почерк нельзя было бы назвать ни при каких обстоятельствах. Так мог бы писать грамотный крестьянин. Или хозяин какой-нибудь гостиницы, далекой от столицы Империи, славного Пражена – да ниспошлет Эо процветание этому городу.

И снова кольнуло под лопаткой.

«Дурной знак», – Малика для виду повторно перелистала зачетку.

Такое же покалывание беспокоило ее накануне памятного ритуала упокоения, когда оголодавший демон едва не полакомился сладкой ведьмовской кровью.

Затем она быстро нацарапала «хорошо». Студент открыл было рот, хотел в очередной раз возразить – но Малика глянула на него так, что он втянул голову в плечи и бочком двинулся к выходу.

Она вздохнула, чувствуя, как гора свалилась с плеч, подхватила со спинки стула шаль. Прочь, прочь из холодной аудитории – на солнце, туда, где пахнет цветущей сиренью, где щебечут птицы, где каждый цветок и каждая травинка радуются весне.

Правда, у выхода Малика все-таки задержалась перед небольшим зеркалом – исключительно для того, чтобы кое-как пригладить растрепавшуюся за полдня прическу. Такие уж у нее волосы – мягкие, густые и непослушные, вечно путаются, вечно выбиваются из косы. Разве что цветом удались, словно только что выпавший из колючей шкурки каштан.

Она хмыкнула, оглядывая собственное отражение. Нет, в самом деле, пора на каникулы! Пора вернуть хотя бы подобие румянца на эти бледные щеки, добавить блеска в карие, с прозеленью, глаза. Тогда и будет Малика похожа на настоящую ведьму, за которой волочатся состоятельные господа. А сейчас – тьфу. Не ведьма, а призрак какой-то, честное слово.

Малика заперла кабинет и пошла сквозь анфиладу светлых, напитанных весной залов. Ее каблуки звонко цокали по мрамору, редкие студенты, попадавшиеся на пути, торопливо и подобострастно кланялись.

«Ох, письмо! А ведь почти забыла...»

Но Малика все-таки дождалась, когда выйдет за пределы главного здания Академии. До дому было рукой подать, она свернула с широкой мостовой на желтую дорожку, уводящую в парк. И, с наслаждением вдыхая запах пробудившегося к жизни леса, надорвала конверт.

«Милостивая госпожа Вейн!» – гласило послание, – «Слава бежит впереди героя. Пользуясь приближением лета, позволю себе пригласить вас в Блюменс, что неподалеку от Ирисовых пустошей. Здесь прекрасный воздух, замечательные виды и крайне занятный призрак, который, несомненно, вас развлечет. Вы сможете прекрасно отдохнуть в гостинице *Кубок Лунника*, хозяином коей и является ваш покорный слуга. Милости просим к нам в Блюменс, начиная от дня двадцать пятого месяца Сэлдим, я зарезервировал для вас апартаменты».

Малика сложила письмо, спрятала его за лиф платья и вытерла вспотевшие ладони. Йоргг! Ну к чему писать столь замысловатое письмо, когда можно было просто попросить о помощи? Мол, избавь нас, госпожа Вейн, от надоедливой призрака...

«Ну и ладно», – она на минутку задержалась перед поляной с крокусами, – «попробуем совместить дело и отдых. В конце концов, отдел платит щедро, а в каникулы следует путешествовать».

Беда в том, что каникулы начинались с завтрашнего дня, и это было чуть раньше, чем двадцать пятое.

Удачное начало каникул

Любое путешествие начинается со сборов.

Малика Вейн порхала по комнатам как подхваченное ветром перышко. Она спешно бросала в жабий рот саквояжа все то, что могло пригодиться по прибытии в Блюменс – платье из оливкового муслина, две шали, носовые платки, чулки, теплые носки (на тот случай, если будет холодно). Сверху она сунула толстую тетрадь с конспектами порядка проведения ритуалов; нет, конечно же, она их прекрасно помнила на память – но мало ли что? Вдруг какая мелочь да забудется?

Туда же, завернутая в тисненую бумагу, последовала карточка учета забытых преступлений, которую следовало заполнить после изгнания вредоносного призрака и отправить в отдел Расследования Забытых Преступлений. Каждая такая карточка, заверенная жителями города, приносила Малике по три сотни фунтов и тем самым недурственно поправляла ее финансовое положение – а надо сказать, что ректор Академии как истинный деспот предпочитал держать преподавателей в черном теле, «чтобы не жирели и не ленились».

Малика вздохнула. Постояла над раздувшимся саквояжем, поглядела на разгром, воцарившийся в комнатах, и искренне пожалела о том, что в ее умения ведьмы не входит талант отдавать приказы вещам, чтобы те сами разбрелись по местам. Впрочем, времени на уборку не оставалось. И в конце концов, неделя беспорядка ничем не повредит пустому дому на опушке Ведовского леса.

Быстрый взгляд на серебряные часики – и, подхватив свой багаж, госпожа Вейн устремилась к дверям, путаясь в черном муслине, свисающих углах темно-синей шали и длинных полах редингота.

...До станции еще нужно было дойти, а дилижанс, проходящий через Блюменс, прибывал ровно в шесть вечера. Через час, то есть.

* * *

Честный житель Великой Империи, что простерлась на юге Этернии, не должен любить ни ведьм, ни лунников.

Так сказал когда-то один из государей – сказал много лет тому назад. И, наверное, сказал просто так, без всякого умысла. Но те немногочисленные придворные, которым довелось услышать сие историческое высказывание, приняли его за пожелание монарха. Мол, честный житель Империи должен по крайней мере не любить ведьм и наверное... наверное, люто ненавидеть лунников. Желание монарха равносильно приказу, а потому не прошло и года, как чистое чело Этернии изрядно подкоптили костры, и забрызгала горячая кровь лунников. Этерния избавлялась от проклятых, как змея от старой кожи. В самом деле, разве имеет право на жизнь существо, по ночам теряющее человеческий облик? Разве не благое дело – избавиться от кошмарного порождения лунного света, которое может расправиться с человеком одним ударом когтистой лапы? А маги? Их сила попирает совершенство государственной власти. И кто предугадает, насколько гнусными могут быть мысли, крутящиеся в головах треклятых ведьмаков?

Тогда казалось, что не найдется силы, способной потушить костры и высушить реки крови. Казалось, что само слово – «лунник» – бесследно канет в прошлое... Но внезапно вмешалось Небо, глухое и немое в своем совершенстве. На просторах Этернии началась эпидемия, к людям пришла лунная немочь; и – кто бы мог подумать? Единственным исцелением от смертельной хвори оказалось присутствие лунника. Да не просто присутствие, куда больше! Ночная тварь должна была искренне желать выздоровления больного.

И покати́лась по Этернии волна событий, которые могли бы показаться смешными. Гонимые и прокли́наемые лунники вдруг стали желанными гостями в каждом доме; их ненавидели и боялись – но не смели и пальцем тронуть. А потом и вовсе пошло веселье: государь принялся наделять лунников землей, передавая им право вершить суд на вверенных территориях. Кое-где вспыхнули восстания, но страх перед лунной немочью сделал свое дело: немногие оставшиеся в живых лунники стали вельможами, и эпидемия наконец отступила.

Что до ведьм... Здесь все оказалось куда проще. Все та же лунная немочь привела в Этернию тех, кому самое место *по ту сторону бытия*. И были это озлившиеся на живых призраки и нежить всех видов. Те, кто ушел не по своей воле, захотели вернуться. Но им уже не оказалось места в Этернии, их не принимали, пытались поднимать на вилы, пронзали осиновыми кольями или просто жгли. Когда стало совсем туго, государь издал приказ о «пользе магов», выделил средства на постройку Академии Объединенного Волшебства и завещал своим потомкам «всячески содействовать поиску способных творить волшебство». На этом наиболее интересная часть истории Великой Империи закончилась. И вот уже лет сто не происходило ровным счетом ничего значительного – ну, за исключением набегов зомби, внезапно пробудившихся вампиров и нечастых вспышек лунной немочи. С этим кое-как справлялись. Войн с соседями не случалось. Все было тихо, спокойно... А что еще нужно честному этернийцу? Правильно. Ничего, кроме тишины и покоя.

* * *

Когда Малика влезла в темное, пропахшее кожей нутро дилижанса, то оказалось, что в сторону Ирисовых пустошей едут трое. Малика оказалась четвертой; она едва успела плюхнуться на жесткое сиденье, как возница хлестнул лошадей. Дилижанс заскрипел, противно и надсадно, как будто моля о сострадании; пустая масляная лампа задрезжала ржавым ободом... Поехали.

«Ну, не так уж и плохо», – она быстро оглядела попутчиков.

В углу напротив хихикали и перешептывались две румяные девицы, похожие друг на дружку как две капли воды. «Близняшки», – улыбнулась Малика. И тут же невольно взгрустнула: она-то была одна. Совсем. Ни братьев, ни сестер, ни тетюшек. Даже родителей своих не помнила, вместо лица дорогой матушки – розово-золотое пятно во мраке. Наверное, поэтому до сих пор и одна, в тридцать-то лет. Конечно же, ведьмин век долог, и три десятилетия – вовсе не срок, но все же... От одиночества устаешь. Невзирая на то, что именно оно, близкое и родное, становится истинной судьбой для ведьмы.

В другом углу, сложив на коленях газету, дремал мужчина в черном сюртуке. День был теплый, и он расстегнул верхние пуговицы – Малика отметила дорогое шитье темно-зеленого жилета и желтое пятно на рубашке. Словно второпях пил чай и пролил. Лицо мужчины прятал в тени полей неуклюжей черной шляпы с широкими полями; он то и дело поправлял ее, как будто опасаясь что его кто-нибудь рассмотрит или узнает.

Малика вздохнула. Не то, чтобы она надеялась болтать с кем-нибудь всю ночь напролет, но все же... Близняшки были чересчур заняты друг другом; они рассеянно глянули в сторону ведьмы, и тут же вернулись к прерванной беседе. Господин в шляпе и вовсе не отреагировал на появление одинокой особы, он сидел неподвижно, изображая спящего.

«А путь-то не близкий», – Малика едва не зевнула.

Жаль, что даже в дилижансе ей предстояло скучать.

«Ну, подумай о своих призраках», – она хмыкнула, плотнее запахнула на груди шаль.

Каникулы, пропади они пропадом. Время, когда нужно думать о чем-нибудь радостном, дарящем надежду, а вовсе не о тех несчастных, которыми занимается отдел Расследования Забытых Преступлений.

«С другой стороны», – она попыталась себя подбодрить, – «я хотя бы не опоздала на дилижанс. И это хорошо. Браво, госпожа Вейн!»

Малика подсела ближе к окну, отдернула бордовую занавеску. Мимо плыли толстые, в три обхвата, дубы; их старые, вспученные корни купались в позолоченной зелени с яркими вкраплениями одуванчиков. Дилижанс медленно вползал на холм, возница нахлестывал лошадей и покрикивал – а вокруг вились птицы, масленисто блестели молодые листочки, еще не распустившиеся, собранные светло-зелеными пучками. Еще выше, почти цепляясь за макушки деревьев, неподвижно повисла узкая гряда из жидких серых туч, расколовшая чистое небо на две почти равные части.

Потом они кое-как добрались до вершины холма, дилижанс тряхнуло на ухабе – близняшки дружно ойкнули, а загадочный незнакомец глубже нахлобучил шляпу. Затем каждый продолжил прежнее занятие: сестры принялись горячо обсуждать новый фасон рукава, мужчина дремал – ну, или старательно делал вид, что дремлет. Глядя на его темно-зеленый, расшитый диковинными орнаментами жилет, Малика и сама зевнула. Судя по всему, дорога до Ирисовых пустошей обещала быть ну просто чудо какой интересной. И ведьма приняла очень важное и судьбоносное решение: она задернула занавеску, чтобы заходящее солнце не било в глаза, придвинула саквояж и, разлегшись на всю длину сиденья, приготовилась смотреть цветные сны. А что, спрашивается, оставалось делать?

...Снов не получилось. Вместо них над Маликой простирала черные крылья птица-тревога, осторожно касаясь острым когтем спины, как раз под левой лопаткой. Все смешалось в серую муть: и недолгое детство, проведенное у дорог, и первый призрак, явившийся на зов маленькой ведьмы – расплывчатый, обиженный на весь мир. Красное, довольное лицо дядьки, когда он пересчитывал монеты. Те несколько пенни, что дал за маленькую девочку сутулый путешественник в мятом сюртуке и несвежей рубашке, котороговсе величали не иначе как «мэтром». А позже – долгий, долгий путь. И – снова деньги. На сей раз полновесные золотые кружочки, которые «мэтру» отсчитали в темном и страшном замке, который оказался Академией Объединенного Волшебства...

«Блюменс, Ирисовые пустоши», – она мучительно вспоминала, что раньше уже слыхала об этом местечке на юго-западе Этернии. Что-то очень важное было связано с Блюменсом, и кто-то рассказывал об этом Малике... Давно. Поэтому воспоминания ускользали, словно кусок мыла из рук, и оставались только черные тревожные тени, которые в одно мгновение охватили ведьму, тряхнули – сильно, так, что зубы лязгнули, и швырнули куда-то вниз.

– Ай!

Спросонья Малика взвизгнула и заколошматила руками по чему-то теплему. Через несколько мгновений руки, чуть повыше локтя, оказались зажаты в тиски; вокруг было темно – только где-то на краю зрения болталась масляная лампа.

– Что? Что случилось?!! – она вдруг осознала, что совершенно свободна.

Черные крылья скомкались, впитались в кусок ночного неба, что был виден из окна. И Малика поняла, что стоит на коленях, на полу дилижанса, а под локти ее поддерживает обладатель черной шляпы и красивого жилета.

– Нас тряхнуло, – невозмутимо сказал он, слегка наклоняясь вперед, к ведьме, – вы, госпожа, скатились на пол. Позвольте, я помогу...

– Возмутительно, – выдохнула Малика, – возмутительно просто! Как будто дрова везет!

Она глянула в сторону сестричек – но те, на удивление, даже не проснулись. Их просто отбросило на спинку сиденья, тогда как ее, Малику, швырнуло в ноги загадочному господину.

– Извините меня, – смущенно пробормотала ведьма, кое-как поднимаясь, – надеюсь, что я не причинила вам большого неудобства.

В тающем свете лампы мужчина показался ей не то, чтобы молодым – но моложавым. И очень холеным. От него приятно пахло одеколоном и немного табаком. Темные волосы копной

падали на широкий лоб, оттеняя аристократически-бледную кожу, из-под густых нависших бровей хитро блестели темные глаза.

– Ну что вы, – он скупно улыбнулся, – любой будет только рад, если ему под ноги свалится столь изысканный... хм... предмет.

И, крепко взяв Малику под локоть, он легко поставил ее на ноги. Черная шляпа осталась лежать рядом, на сиденье.

– Меня зовут Нэйд, – услышала Малика сквозь надсадное поскрипывание рессор.

* * *

Дилижанс катился через долину. По правую руку частым гребнем темнел ельник, угрюмый и суровый, по левую – кокетливо блестело зеркало воды. В пруд глядели звезды, крупные и яркие, да еще выкатившаяся из-за горизонта луна. Не луна – огромная розоватая плошка.

– Проклятье Сэлдима, кровавая луна.

Малика мельком глянула на ночное светило и кивнула, соглашаясь.

– Да уж. Лунникам тяжело приходится такими ночами.

– А еще в такую ночь призраки невинно убиенных вызывают о мщении...

– И указывают потомкам на места, где сокрыты сокровища, – закончила Малика.

И, осененная внезапной догадкой, с удвоенным интересом уставилась на попутчика, который так и оставил шляпу на сиденье, а сам устроился рядом с ведьмой.

– Откуда вам все это известно, Нэйд? Вы, часом, не из Отдела?

– Откуда-откуда? – казалось, он искренне удивлен.

Но вот хитрый блеск в глазах... Малика хмыкнула.

– Не притворяйтесь. Вы из отдела Расследования Забытых Преступлений? Иначе откуда бы вам знать столько о призраках и лунниках?

– Ах, вы об этом, – протянул Нэйд и улыбнулся, – нет, конечно же. Я самый обычный этерниец... Только имею возможность много читать. Могу, знаете ли, себе позволить эту роскошь.

– О, извините, – Малика смутилась.

Нет, ну это надо – так глупо выдать собственную принадлежность к «волшбу творящим»?!! Теперь... наверняка этот... Нэйд отсядет от нее подальше, нахлобучит шляпу и притворится спящим.

– Так, значит, вы – ведьма, – осторожно уточнил он, заглядывая Малике в глаза.

– А вы, значит, «честный этерниец», – в тон ему ответила она.

– Не настолько честный, как вам кажется.

Удивительно, но Нэйд вовсе не предпринимал попыток сбежать.

– Говорят, у меня в роду были колдуны, – почти шепотом добавил он, – так что, быть может, и я сам... в какой-то мере...

– Но Дар еще не проявил себя, – Малика понимающе кивнула.

Что ж, тем лучше. Колдуны в роду – это хорошо. И она не будет чувствовать себя экспонатом на выставке.

– Да, не проявил. Я не могу похвастать ни одним из «сомнительных талантов».

Нэйд вздохнул, провел пальцами по волосам, отбрасывая их назад. И, как бы невзначай, поинтересовался:

– Так куда вы направляетесь, Малика?

– В Блюменс.

– Да?!!

И – тягостное молчание. Словно ответ Малики неприятно поразил Нэйда.

– А что? Разве это плохо?

Теперь уже ей казалось, что Нэйд тщательно скрывает волнение. Как странно – он ничуть не удивился, когда узнал о ее принадлежности к ведьмам, и взволновался, едва услышав про Блюменс.

– Я не говорил, что это плохо, – натянуто улыбнулся он, дергая пуговицу на жилете, – просто... совпадение.

– А-а, – Малика даже обрадовалась, – вы тоже?... едете туда?

Нэйд поспешно отвернулся к окну.

– Почти. Мне нужно сойти не доезжая. Но я много раз бывал там, можно сказать – мое любимое местечко во всей Этернии.

Малика промолчала. Снова проснулась птица-тревога, простирая крылья до самого горизонта. Но теперь... Ведьме вдруг померещилось, что тень нависла над головой Нэйда. Опасность, мутная, внезапная...

– Будьте осторожны, когда прибудете на место, – пробормотала она.

Нэйд взглянул на нее исподлобья.

– Вы что-то увидели? Что?

– Я не могу прорицать, – просто ответила Малика, – но мне показалось... Мне стало как-то тревожно за вас.

Он кивнул и вновь отвернулся. Затем, помолчав, спросил веселым и непринужденным тоном.

– Малика, раз уж вы проговорились, я бы очень хотел послушать про отдел расследования забытых преступлений.

– Не думаю, что вам, *почти честному этернийцу*, это будет интересно.

Получилось грубо. Малика и сама не ожидала, что так разозлится. Но каждый раз, когда ее начинали сочувственно расспрашивать про ведьмину жизнь, она ощущала себя уродцем на ярмарке. А это, простите, уже неприятно. Совсем, даже немного больно – когда вот такие сердобольные и любопытные жалельщики подглядывают в замочную скважину твоей жизни.

– Еще как интересно, – он улыбнулся и вдруг осторожно взял ее за руку, – поверьте... Это будет самой увлекательной ночью в моей жизни.

– Неужели прочие так скучны? – ведьма высвободила руку. Ну зачем лишний раз напоминать ей о том, что никто не захочет связать свою судьбу с ведьмой?

Нэйд пожал плечами.

– У меня небольшое поместье к югу от Пражена, садовник, кухарка и экономка. Каждый день похож на предыдущий, и каждая ночь в точности повторяет ту, что была до этого. По ночам, моя дорогая Малика, я сплю. Так сжальтесь надо мной, развеите скуку!

– Только потом не говорите, что я не дала вам отдохнуть, – буркнула ведьма.

Она начинала чувствовать расположение к Нэиду, и это было очень плохо: тем острее потом кольнет одиночество... Когда приятный попутчик сойдет на своей станции.

* * *

Вся беда в том, что Малика даже не знала, что рассказать об упомянутом отделе. Не потому, что давала обет молчания, вовсе нет: работа отдела была столь проста, что и скрывать что-либо не имело смысла. Предмет сомнения заключался в том, что весь смысл существования отдела можно было изложить в двух рукописных строках. А что можно выудить из них любопытного? Да ничего.

– Вы, вероятно знаете, что Этерния знавала далеко не лучшие времена, – осторожно начала она.

Губы Нэйда дрогнули в ироничной усмешке.

– Еще бы, госпожа Малика, еще бы! Немало ценного леса извели на костры, об этом теперь любят говорить в университетах. А когда жгли, простите, ведьм – никому и в голову не приходило, что этого не стоит делать!

– Возможно, наказанием стала лунная немочь и нежить, – она невольно улыбнулась той горячности, с которой этот этерниец порицал события недалекого прошлого. Интересно, сам бы он смог встать на защиту лунника?

– Все, что мы делаем, возвращается к нам же, – Нэйд откинулся на спинку сиденья, – простите, я перебил вас. Продолжайте, прошу!

Малика пожала плечами, при этом дилижанс основательно потрянуло на ухабе. Еще чуть-чуть, и она снова оказалась в объятиях Нэйда.

«Вот еще, что за глупости», – ведьма нахмурилась и механически запахнула на груди шаль.

– То, что я сейчас скажу, не является тайной отдела, – сказала она, – мы занимаемся тем, что выдворяем особо ретивую нежить за пределы Этернии. Упокаиваем тех, кто вернулся в обличье вампира, или поднялся из могилы скелетом. Или, наконец, досаждают людям как воюющих и швыряющийся тарелками призрак. Забытое преступление порождает их. Преступление, которое так и осталось нераскрытой тайной для всех, а потом и вовсе забылось, затерялось в веках. Трагедия. Кровь...

Ей показалось, что Нэйд стал внимательно вслушиваться в каждое ее слово.

– Специальные ритуалы, а? Как можно умиротворить привидение?

Малика усмехнулась. Ритуалы... Вот все, что отличает простого этернийца от ведьмака. Их не жгли, не убивали, не сажали на кол. Им не понять того жгучего чувства обиды, никогда не познать столь чудовищной несправедливости.

– Самый простой ритуал, Нэйд, это дать призраку то, чего он желает, – тихо произнесла Малика, – как думаете, чего может хотеть сгусток эфира, сохранивший память, чувства... и, может быть, даже толику разума, которые когда-то принадлежали безвинно убитому человеку?

Он помолчал, внимательно глядя в глаза Малике.

– Справедливости, Нэйд, справедливости. Все они хотят, чтобы их смерть была отомщена.

– Но как можно отомстить тем, кто, возможно, умерли уже давно?

Малика пожала плечами.

– А здесь уже случается по-разному. Бывает, что достаточно императорского вердикта, который бы устанавливал того или иного призрака невиновным. Но государю не до того, он передал все полномочия отделу.

– Очевидно, это самое простое, что можно придумать? – задумчиво пробормотал Нэйд.

– Разумеется. Иногда приходится проводить настоящее расследование, чтобы установить, кто был истинным виновником происшедшего несчастья. А иногда, простите, нам приходится давать самому призраку возможность отомстить виновному, и тогда он уходит сам, вполне удовлетворенный.

– Странно. – глаза Нэйда заблестели, выдавая волнение, – я полагал, что призрак и без помощи может настигнуть обидчика.

– Не всегда, – Малика махнула рукой, – здесь, простите, слишком много путей развития событий, и я вам просто не смогу все изложить. В каждом случае мы подбираем свою тактику, иногда приходится перебрать десяток стратегий, прежде чем что-то сработает...

– Это только с призраками. А как же прочая нежить?

– Я занимаюсь только призраками, – улыбнулась Малика.

Дилижанс мягко покачивался, продвигаясь сквозь весеннюю ночь. И ведьма вдруг почувствовала острое сожаление о том, что уносит он ее не к беспечным каникулам, а к новому и, возможно, опасному, делу.

– Вы, наверное, едете отдыхать? – помолчав, спросил Нэйд.

– Пытаюсь совмещать отдых и работу, – в углу завозились близняшки, и Малика перешла на громкий шепот, – мне прислали одно очень интересное письмо с просьбой о помощи.

– Из Блюменса?

– Да.

От ее взгляда не ускользнуло внезапное волнение Нэйда. Нет, все-таки этот приятный мужчина что-то задумал. И это «что-то» скорее всего имело отношение к тому же местечку, куда она отправлялась.

– Я слышал, что лет сто пятьдесят тому назад Ирисовые пустоши считались проклятым местом, – задумчиво проговорил Нэйд, с преувеличенным вниманием разглядывая свою шляпу.

– Возможно. Иначе там не шалил бы призрак, о котором мне написали.

– И что же, вы собираетесь заняться его изгнанием? – руки Нэйда беспокойно мяли черный фетр, но лицо окаменело.

– Это зависит от обстоятельств, – сдержанно ответила Малика.

Ей все больше казалось, что Нэйд не так-то прост. Конечно, выдавать он себя мог за кого угодно, а там... кто знает, что за узел завязался близ Ирисовых пустошей?

Он быстро наклонился к ее уху и прошептал скороговоркой:

– Вы такая милая молодая леди. Сколько мне заплатить вам, чтобы вы вернулись домой, не доезжая до Блюменса?

А, вот до чего дело дошло!

Значит, господин, назвавшийся Нэйдом, совсем не хочет, чтобы в провинции ошивалась изгоняющая призраков? Любопытно...

Малика отстранилась, даже отодвинулась в угол. Проклятье! А вдруг он захочет ее придушить? Прямо здесь, в дилижансе? Кто знает, что на уме у этого загадочного незнакомца? Она почти ощущала на своем горле железные пальцы. Конечно же, у Нэйда руки сильные, достаточно крепкие для того, чтобы убить... Дыхание сбилось, а сердце как будто замерло, словно чудом попало в ведро со льдом.

Малика с трудом перевела дыхание.

«Не посмеет», – решила она, покосившись на дремлющих толстущек, – «только не здесь. Не задушит же он и тех двоих?»

Страх прошел, просочился сквозь пальцы как песок. И – как напоминание – во рту остался мерзкий привкус ржавого железа.

– Мне кажется, – с нажимом произнесла Малика, глядя в темные глаза Нэйда, – мне кажется, что человек вашего круга должен иметь хотя бы понятие о профессиональной гордости. Я ведь не ошиблась?

Он взъерошил волосы, отвел их назад со лба. И, передразнивая, ответил:

– Мне кажется, госпожа Малика, что человек *вашего* круга должен иметь понятие об элементарной осторожности. И если вам советуют держаться подальше от Блюменса... То имело бы смысл прислушаться к совету, данному от всего сердца. Вы совершаете ошибку, отправляясь туда.

– Интересно, какую? – она запальчиво вздернула подбородок, – какое вам дело до призраков, Нэйд? И какое, простите, вам дело до одинокой ведьмы, которая этих призраков изгоняет?

– Возвращайтесь домой, Малика, – повторил Нэйд.

И ей померещилось, что в голосе его скользнула... нежность?..

Ох, что за чепуха!

– Я доберусь до Ирисовых пустошей, – твердо заверила она.

– Хорошо, – быстро сказал Нэйд, нахлобучивая обратно шляпу, – я скажу вам... раз уж все так...

Но в это мгновение дилижанс замедлил ход и остановился.

– Станция Витхи-и-илл! – надсадно крикнул возница.

Нэйд вдруг заколебался. Затем подхватил свой саквояж, туго чем-то набитый, и во мгновение ока очутился у выхода.

– Возвращайтесь домой, – сказал он на прощание. И исчез в ночи.

Малика поежилась. Было похоже на то, что неприятности начались еще на пути к пустошам.

* * *

Остаток ночи она провела, забившись в угол и безуспешно пытаясь уснуть. От радужного настроения, с которым Малика покидала дом, не осталось и следа: все испортил йорггов Нэйд. А ведь отправься Малика в свое путешествие днем позже, ничего бы не случилось! Подремала бы в тряском и скрипучем дилижансе – и все. Поутру сошла бы на станции Блюменс...

Поутру.

Сквозь плотно задернутые шторы пробивался бледный, словно разбавленное молоко, рассвет. Близицы сладко посапывали в углу и всем своим видом как будто говорили: нам бы выпастся, и пусть хоть небо рухнет на Этернию.

Малика скользнула ближе к окну, отдернула в сторону занавеску и высунула нос из теплого и душного чрева дилижанса.

У-ух!

В лицо дохнуло весенней свежестью, предрассветной прохладой – Малике тут же захотелось укутаться не то что в шаль, в одеяло. Дилижанс катил по широкой дороге, которая дугой огибала широкую низину. Там, словно в гигантской миске, медленно двигались и перемешивались клочья тумана, уплывая куда-то в сторону далекого леса. Временами взгляду открывалась долина, нежно фиолетовая в неверном свете подступающего дня. За долиной уже виднелись черные коробочки домов в обрамлении низкорослых деревьев, а еще дальше – и выше... У Малики простохватило дух. На небольшом холме над людскими строениями возвышался замок лунного лорда. Само собой, живой замок, каких-нибудь сто лет назад выросший из семечки после того, как император раздал земли лунникам, а его Первый Магистр привлёк немалые магические силы для создания таких вот странных, но необычайно красивых жилищ.

«А я и не знала, что так близко от Академии есть живой замок», – подумалось Малике, – «побывать бы там, но... какой лунник пустит гостью?»

Она вздохнула. Лунники слишком уж презирали людей, чтобы носиться с обычной и не очень одаренной ведьмой. Впрочем, шансы все-таки оставались. Если напомнить лунному лорду, что ведьмаков жгли ничуть не меньше лунников, то... кто знает?

Малика любовалась замком. Даже страшно представить, какие силы стянул Магистр для создания семени, из которого выросла такая громадина. Замок был хорош: покрыт перламутром и походил на раковину теребры. Или... на рог единорога. Такой же острый и витой.

«Как-то там, внутри?» – она мечтательно потянулась, в который раз вспомнила о нелюбви лунников к людям, – «эх...»

А домики все приближались. Казались они чуждыми и сиреневой долине, и редким акациям, и перламутровому сказочному замку. Как бородавки на лице юной девушки, иначе не скажешь. Малика поежилась от необъяснимой тревоги. Да в чем дело-то? Неужели все это болтовня Нэйда наделала? А ведь как хорошо путешествие начиналось...

Дилижанс въехал в городок, еще несколько минут подпрыгивал на ухабах, и остановился напротив каменного серого здания с двух массивных колоннах у парадного.

– Блюменс! – хрипло гаркнул возница.

Румяные девицы одновременно вздрогнули, захлопали мутными со сна глазами, завертели растрепанными головками все равно что потревоженные совы. Малика улыбнулась им, подхватила саквояж, рванулась навстречу неведомому... И очень вовремя, ибо возница не намеревался задерживаться в этом небесами забытом месте.

– Н-но, мои хорошие! – он присвистнул.

Малика едва успела сойти с подножки, как черная туша дилижанса дернулась и покатила дальше. В тишине еще долго раздавались цокот копыт, поскрипывание осей да резкое хлопанье вожжей.

Ведьма быстро огляделась: городок только-только просыпался. Да и какой, к йорггу, городок? Два десятка домов, растянувшихся вдоль единственной улицы, прямо у ног – невысыхающая лужа, в которой беспомощно дрейфовал забытый кем-то кораблик из щепок. Хорошо еще, если по этой же улице пастух не гоняет стадо. Мимо быстро прошагал седоватый мужчина в дешевом сюртуке, смерил Малику таким подозрительным взглядом, что она так и не решилась спросить о «Кубке лунника».

Малика окинула взглядом улицу, а потом вдруг поняла, что в одном ей точно повезло: оказывается, мрачный серый дом, рядом с которым остановился дилижанс, и был искомой гостиницей. Над потемневшей дверью красовалась выдавшая виды табличка, гласящая о том, что вот он, «Кубок».

Ведьма поправила шаль и двинулась к гостинице. Она ощущала себя немного неловко оттого, что наверняка перебудит хозяев, а, кроме того, еще и окажется единственным постояльцем. К тому же, Нэйд. Странное предупреждение. Вот уж любопытно, он-то здесь при чем?

В то мгновение, когда Малика взялась за молоток, над головой закаркал ворон – «Дурной знак», – мысленно отметила она, но все-таки постучалась. Затем еще. И еще.

Потом, окончательно потеряв терпение, ведьма толкнула дверь. Оказывается, гостиницу никто и не думал запирать, Малика очутилась в темноватом, но довольно уютном холле. У дальней стены, сразу за конторкой, старая деревянная лестница вела на второй этаж. В двух шагах от входа, словно часовые, были выставлены кресла, обивка которых давно утратила истинный цвет. Тут же, рядом с креслами, тосковал хрупкий столик из дорогого черного дерева, на нем Малика заметила полупустой графин.

– Прелестное место, – буркнула ведьма. Затем, уже громче, сказала:

– Доброе утро!

Ответом ей была тишина. Потом как будто хлопнула открытая оконная рама, и раздались глухие звуки шагов, которые очень скоро смолкли.

– Доброе утро! – повторила Малика, уже громче.

В груди, рядом с сердцем, заворочалось предчувствие беды. Нет, даже не так – Предчувствие, с большой буквы, одно из тех, что никогда не подводят.

– Прошу прощения! – уже крикнула Малика, опуская саквояж на пол, – есть кто... живой?

«Лучше бы этого не говорила», – тут же упрекнула она себя.

Малика быстро пересекла холл, вслушиваясь в поскрипывание половиц. Ни за конторкой, ни рядом никого не оказалось, и ведьма, вдохнув поглубже, решительно поднялась по ненадежной лестнице. Ее встретил мрачный коридор, стены которого были утыканы канделябрами без свечей. В самом конце Малика заметила открытую дверь и устремилась туда.

– Йоргг! – прошипела она сквозь зубы, останавливаясь на пороге.

Еще через минуту Малика заключила:

– Вот вам и «Кубок лунника».

Комната, в которую заглянула ведьма, наверняка служила кабинетом: на это весьма прозрачно намекали большой письменный стол и разбросанные повсюду кипы пожелтевших

бумаг. На полу, вытянувшись во весь рост и разбросав крестом пухлые руки, лежал мужчина лет пятидесяти. Он был в меру седоват и в меру лысоват. И, судя по своему виду – безнадежно мертв.

Малика невольно запахла на груди шаль. Зубы начали выбивать мелкую дробь. Уж не об этом ли хотел сказать Нэйд, прежде чем выскочить из дилижанса?! Йоргг! Да ведь он и сам мог приложить руку к происходящему. Дилижанс ползет неспешно, а если выйти станцией раньше, взять лошадь порезвее... почему нет? И потом, потом... Стук оконной рамы, быстро удаляющиеся шаги...

– Йорггов Нэйд, – пробурчала Малика, в задумчивости переминаясь с ноги на ногу.

Похоже, человек, написавший письмо на имя госпожи Малики Вейн, был убит.

Что теперь? Наверное, выйти из гостиницы и найти полицейского. Рассказать о том, как приехала в пустую и молчаливую гостиницу, как поднялась на второй этаж... Так, что еще? Не забыть бы про таинственные шаги.

Малика еще раз оглядела убитого.

Стоп!

Ни ножа в груди, ни перерезанного горла.

А может быть, она преувеличивает, и хозяин «Лунника» сам помер? От сердца? Ох, сомнительно, сомнительно, госпожа Вейн...

Ведьма потопталась на пороге, прислушиваясь. В гостинице царила тишина, и только с улицы доносился звонкий голос продавца газет. Всевеликий, даже в этой глуши все так же, как в Прагене! Ну, куда ж без наспех отгиснутых тонких листков, гордо именуемых «газетой»...

Преодолевая отвращение, Малика приблизилась к покойному, присела в изголовье на корточках. Полупустой графин в холле никак не давал ей покоя – и ведьма, наклонившись, понюхала губы мертвеца. Она старалась не смотреть на пенные пятна рвоты на груди мужчины. И без того перед глазами все вертелось, того и гляди, грохнешься в обморок рядышком с трупом.

– Хм.

Снова хлопнула рама.

А еще мгновением позже тишину разорвал истошный вопль женщины, появившейся, откуда ни возьмись, на пороге комнаты.

– А-а-а-а! Уби-и-или!

– Стой! – гаркнула Малика, кидаясь к истеричке, – Куда?!!

Ведьма схватила было вопящую матрону за руку, но успела цапнуть только воздух. Затем в нее полетел кувшин с молоком, а противная тетка рванула низ по лестнице, не переставая вопить о том, что – спасите! Убили! Помогите! Убива-а-а-ают!

В общем, когда Малика оказалась в холле, у входа в «Кубок лунника» уже собралась приличных размеров толпа. И это невзирая на раннее утро.

– Убийца! – выкрикнула в последний раз женщина и обличающее ткнула в Малику пальцем.

– Дура! – не осталась в долгу ведьма, вытирая с лица молочные капли.

«Сколько вам заплатить, Малика, чтобы вы не ездили в Блюменс?»

Так, кажется, Нэйд спрашивал? Ох-хо-хох.

Но ведьма все же успела заметить, что полупустой графин таинственным образом исчез.

* * *

А дальше все закрутилось, как детская карусель на ярмарке. С той лишь разницей, что, навизжавшись вдоволь, ребятня расходится по домам, а Малике, судя по всему, грозило кататься до тошноты.

... – Когда я вошла к Арату, он лежал на полу, а эта женщина целовала его в губы, – заявила молочница. Да-да, оказывается, обладательница громкого голоса оказалась всего лишь продавщицей молока.

– Бред, – заявила Малика, – я не знаю ни одного случая, чтобы мужчина скончался от поцелуя. Разве что от *ядовитого* поцелуя, инспектор. Вы бы лучше искали того, кто лихо выпрыгнул этим утром из окна гостиницы.

Они сидели в холле все того же «Кубка». Громко жужжащая толпа намертво запечатала вход и все окна первого этажа, молочница словно особа королевских кровей восседала на стуле, а инспектор с необычайно светлыми и водянистыми глазками мрачно расхаживал взад-вперед, время от времени значительно кивая двум полицейским у входа. Ну, и больше всех пострадал ведьмин саквояж – выпотрошенный и пересмотренный самым тщательным образом.

– Госпожа Вейн, – инспектор приблизился к Малике, которая продолжала стоять у злополучного столика, – я уже знаю, что вы – ведьма. Подозреваю, что вам ничего не стоило убить несчастного Арата одним взглядом, не говоря уже о большем.

– Но вы же читали письмо! Я приехала сюда именно потому, что ваш Арат меня пригласил.

– Да, призрак, – ухмыльнулся инспектор, – как же... Дело в том, уважаемая госпожа Вейн, что письмо это писано не Аратом.

– Что?!!

– Это не его почерк. Так что... не лучше ли вам чистосердечно...

– Вы с ума сошли, – Малика сложила руки на груди, – я не убивала этого человека. Мне незачем было его убивать, понимаете?

– Кто вас, ведьм, знает? – преданный слуга закона развел руками, – может, вам была необходима жертва для проведения особенно важного ритуала?

– Да вы, инспектор, просто болван. Слепой болван, – сказала ведьма и тут же об этом пожалела.

Это называлось «перейти на личности». Но, йоргтовы уши, кто мог подумать, что в этой глуши в ведьмах все еще видят врагов?

«А чего ты ожидала, дорогуша? Это тебе не просвещенный Пражен, и не Академия. Это – просто Этерния... Со всеми вытекающими».

Инспектор наградил Малику испепеляющим взглядом и завел свою шарманку снова. Мол, пора бы признаться. Не убивали? А чем докажете? А с какой стати я должен нюхать труп? Вы за кого меня принимаете, госпожа Вейн? За идиота?

– Именно, – Малика обреченно вздохнула и с тоской поглядела в окно.

Над головами любопытных разгорался новый день месяца Сэлдим. Интересно, у них тут есть тюрьма?.. Или в Пражен повезут, закованной в цепи, выставленной на всеобщее обозрение?

– Вы просто не осознаете сложности своего положения, – вздохнул инспектор, – я буду вынужден...

И едва не подскочил на месте, когда со стороны входа донеслись крики:

– Дорогу! Дорогу его светлости!

– Йоргг! Я что, просил за ним посылать?!! – рявкнул страж порядка, – кого это туда понесло?..

Естественно, ответа он не дождался – кто ж признается? Малика с интересом воззрилась на двери. Толпа задрожала, словно заливное, затем неохотно раздвинулась.

И в холле «Кубка лунника» появилось новое действующее лицо, на которое даже инспектор поглядывал с опаской, а ведьма, как водится, с надеждой.

«Его светлость» оказался молодым худощавым мужчиной, чуть более бледным, чем бывают простые смертные весной, словно он недавно перенес тяжелую болезнь и как раз

находился на пути к полному выздоровлению. Его лицо можно было назвать довольно приятным: высокий лоб, нервный нос с едва заметной горбинкой, красиво очерченные полные губы. Бороду и усы местный аристократбрил, зато черные волосы, вопреки моде на короткие стрижки, носил заплетенными в короткую косу. Пожалуй, единственным, что портило внешность этого человека, было выражение глубочайшего презрения – к этим людям, к этим креслам, к потолку гостиницы... В общем, ко всему, что только можно было охватить взглядом, включая и госпожу Малику Вейн.

– Граф, – инспектор склонился в глубочайшем поклоне.

А Малике померещилось, что он сквозь зубы прошипел йорггово имя.

– За мной прислали мальчишку, – ровным и равнодушным голосом отозвался вновь бывший, – я вижу, у вас произошло нечто экстраординарное? Кто эта госпожа?

И граф со смесью любопытства и презрения воззрился на Малику. Она, в свою очередь, взглянула ему в глаза – и тихо ойкнула. Радужки у аристократа оказались сочного желтого цвета, как у совы. И зрачки... вертикальные. Лунник!

Так вот откуда болезненная бледность. Тяжело ему приходилось все эти ночи, ой тяжело...

– Эта ведьма, – вытянулся по струнке инспектор, докладывая ситуацию, – приехала утром с фальшивым письмом и убила Арата.

Малике показалось, что лунник едва заметно улыбнулся, думая о чем-то своем.

– Да неужели? Так Арат мертв? – переспросил он почти радостно, – но зачем вы обвиняете в этом госпожу...

– Вейн. Малика Вейн, – представилась ведьма.

– Госпожу Вейн? Какой ей прок со смерти Арата, которого она никогда раньше не видела?

– Именно это я как раз собираюсь выяснить, – заверил инспектор, глядя на графа с ненавистью.

– Не стоит, – заметил лунник, – раз уж кто-то утрудил меня разбудить и вызвать сюда. Я сам выясню, виновата эта особа или нет. Вы позволите, госпожа, вашу руку?

Он приблизился к Малике мягкой, звериной походкой, и она вдруг подумала о том, насколько сильным может оказаться это существо в обличье хрупкого мужчины.

– Разумеется, – ведьма натянута улыбнулась, – честно говоря, я не понимаю, отчего инспектор взъелся на меня, и закрывает глаза на вещи весьма и весьма очевидные...

Ее пальцы легли на прохладную ладонь графа – и сию же минуту в сознании прозвучал чужой голос:

– А чего вы хотите от *честного этернийца* ?

«Но я не убивала!» – мысленно возмутилась Малика, – «вы же видите!»

– Вижу, – губы лунника тронула усмешка, – теперь вижу.

Он покачал головой, затем галантно поцеловал руку Малики и повернулся к инспектору.

– Эта женщина невиновна.

– Как это? – инспектор начал багроветь, – да вы тут... это сговор!

– Я бы не советовал бросаться *такими* обвинениями, – тихо заметил граф, – иначе я не сочту за труд написать о... ваших взглядах его императорскому величеству. Молчите, Берн. Подумайте лучше, что будет, когда лунная немочь коснется вашей семьи... а я просто *забуду* навестить ваш дом?

Берн сделался блее простыни. А лунник повернулся к дверям и громко объявил:

– Расходитесь по домам. Эта женщина невиновна. Или... или вы не знаете, что потревожен курган Хаора? Он будет карать и дальше, может статься, что эта смерть – только начало.

Толпа застонала, как будто произнесенное имя причинило каждому боль.

Граф повернулся к Малике.

– Собирайте вещи, госпожа Вейн. На прощание мне стоит переговорить с вами, но мы сделаем это не здесь. Только не в этом душном и мерзком местечке.

* * *

Малике пришлось вновь укладывать саквояж. Под тяжелым, ненавидящим взглядом Берна и презрительным – графа. Похоже, лунный лорд в самом деле глубоко презирал и этих людей, а заодно и все, что их сколь-нибудь касалось. Если бы не дарственная короля, где бы он был сейчас, этот молодой на вид и наверняка очень старый на самом деле граф? Уж точно не сидел бы в Ирисовых пустошах. Может быть, улетел бы в горы, или далеко на север, где людей осталось немного... Краснея, Малика быстро подобрала с пола шерстяные носки, расцветкой похожие на пчелок. Берн как будто нарочно раскидал ее вещи так, чтобы дольше было собирать. А теперь вот всем любопытным выставлено напоказ нижнее белье. Радости, конечно, от этого мало. Уффф.

– Я готова, – сказала Малика, с трудом застегивая замок саквояжа. Вот ведь незадача! А когда собиралась дома, он казался полупустым...

– Хорошо, – лунник чуть заметно кивнул ей, – а вы, Берн, займитесь делом. Это ведь *ваше* дело – разыскивать преступников в насквозь прогнившем Блюменсе.

– Равно как ваше – их карать, милорд, – инспектор почтительно откозырял, при этом скрежеща зубами.

«Как же они ненавидят его», – Малика с жалостью смотрела на лунника, – «если бы могли, то убили. Но не смеют. Боятся. Страх смерти от лунной немочи все же сильнее ненависти».

– Приводите, как поймаете, – желтые глаза графа, казалось, полыхнули злым огнем, – вы же знаете, что я не отказываюсь от тех обязанностей, которые возложил на меня *ваш* монарх.

И, не дожидаясь ответа, он легко подхватил багаж Малики и шагнул к выходу. Ведьма заторопилась следом, то и дело оглядываясь. Н-да. Графин исчез бесследно. И, скорее всего, помог ему испариться тот, кто отравил хозяина гостиницы.

– Прошу вас, госпожа Вейн. Мой скромный экипаж к вашим услугам.

Вынырнув из давящей атмосферы «Кубка лунника» Малика с наслаждением вдохнула пряный аромат Сэлдима, как будто отпила дорогого вина. В здешнем букете преобладал незнакомый запах – капризный, аристократичный и чуть горьковатый. Наверное, именно так пахли те ирисы, в честь которых и были именованы пустоши.

Экипаж поджидал у самого входа. Легкая открытая повозка, запряженная парой великолепных гнедых в богатой сбруе. Усатый кучер в темно-зеленой ливрее старательно делал вид, что ничуть не удивлен происходящим, снял шляпу в приветственном жесте и отвесил поклон.

Ведьма молча оперлась о предложенную графом руку и устроилась на мягком, обитом бархатом сиденье. Саквояж вскоре очутился рядом, напротив грациозно сел граф, и они тронулись с места.

– Как гора с плеч, – невольно вырвалось у нее, – спасибо вам, милорд. Я не знаю, что бы делала без вашего вмешательства.

Теперь, при свете дня, болезненная бледность лунника еще сильнее бросалась в глаза. Он бесконечно устал, этот получеловек, устал от тревожных ночей, от будоражащих запахов долины, а еще – от невозможности изменить собственную природу.

Граф приподнял красиво очерченную бровь.

– Прошу прощения, госпожа Вейн. Я забыл представиться. Меня зовут Альвен Рутто и, как вы уже догадались, мне довелось стать господином этих земель. Что до вашего дела... Будем считать, что вам повезло. В этот раз.

Он замолчал надолго, глядя куда-то сквозь Малику. Он был чем-то сильно встревожен, но не хотел говорить. Экипаж бодро катился по дороге, уводящей прочь от городка. Сквозь рошу и – вверх.

– Куда мы едем? – не удержалась Малика.

Последовала долгая пауза. Потом лунный лорд взглянул на нее в некотором замешательстве, как будто заданный вопрос оторвал его от очень важных размышлений.

– В мой замок.

– Я мечтала побывать в живом замке.

– Отчего же не побывали до этого дня?

– Лунников трудно назвать радушными хозяевами, – она пожала плечами.

– Но разве они обязаны таковыми быть? – граф откинулся на спинку сиденья, – я делаю исключение только для вас, госпожа Вейн. Во-первых, потому что хочу переговорить с глазу на глаз, без лишних ушей, а во-вторых – потому что вы ведьма. То есть не относитесь к числу безупречных этернийцев.

Малика вздохнула. То, что сказал Рутто, не было для нее неожиданностью. Но – бойся своих желаний, подруга! Хотела попасть в замок лунного лорда – получай. Только вот при каких обстоятельствах?.. А вот это уже другая история, не оговоренная в желании.

Мимо проплывали низкие, раскидистые акации. Хм. Поговорить с глазу на глаз... Что такого хочет ей сказать лунник? А может быть, наоборот, он желает услышать кое-что интересное? Малика улыбнулась уголком губ. Ей в самом деле было о чем рассказать графу.

– Кто такой этот Хаор, о котором вы упоминали?

– Теперь это призрак, – сухо отозвался граф, по-прежнему погруженный в глубокое раздумье, – полтора столетиятому назад слыл могущественным ведьмаком.

Малика укоризненно покачала головой.

– Призрак? Так вот о ком шла речь в письме... Но вы-то, граф, вы зачем солгали?

– Разве я солгал? – невинным тоном поинтересовался лунник, – я искренне убежден в том, что мертвецы, чей покой потревожен, могут вернуться и начать мстить. Что мы, скорее всего, и наблюдаем. Хозяин гостиницы положил начало...

– Граф Рутто, – ведьма обхватила руками себя за плечи, – если вы *уверены* в моей невинности, то должны знать, *что* стало причиной смерти того человека. Не кажется ли вам, что подсыпать в питье цианистого калия – это как-то чересчур для призрака? Да еще потом убрать графин с отравленным вином?

Альвен вдруг широко улыбнулся. Неторопливо поправил лацкан сюртука.

– Я бы предложил потерпеть с обсуждением сегодняшнего происшествия, госпожа Вейн. Благо, что до замка осталось пол часа езды.

– Как скажете, граф, – она очаровательно улыбнулась, – я ведь на вашей земле, и здесь вы – господин.

– И наделен властью карать и миловать, – с кислой миной завершил граф Рутто, – хотелось бы мне, чтобы...

И он поспешно умолк, спохватившись. Чтобы еще через десять минут заключить:

– Как странно, госпожа Вейн. Вы все-таки человек, а я испытываю к вам нечто вроде расположения.

– Весьма польщена, – язвительно ответила Малика, – но не стоит забывать, милорд, что ни один честный этерниец не решится назвать такую, как я, человеком.

– Верно. В этом все и дело.

* * *

Живой замок не имел ни стен, ни смотровых башен. Он сам, скорее, был просто башней, одиноким донжоном на холме – «И даже странно, почему его не называли просто башней лунника», – подумала Малика, – «хотя, конечно, замок – это звучит помпезно. Когда нужно изобразить монаршую милость, лучше дарить нечто солидное, вроде замка».

Но отсутствие каких-либо укреплений отнюдь не умаляло величия башни, перламутровой иглой уносящейся в синее небо. Малика почувствовала себя песчинкой у подножия этого существа, которое назвать каменным гигантом просто язык не поворачивался.

К тому же, замок оказался отнюдь не беззащитен. Как только экипаж остановился, навстречу из блестящей стены мгновенно потянулись костяные шипы каждый в руку толщины, а прямоугольный вход с треском захлопнулся как створки тридакны. Граф молча спрыгнул на мощеную булыжником площадку, протянул ведьме руку.

– Милости прошу, госпожа Вейн, в мое скромное жилище.

– Боюсь, оно мне не радо, – Малика последовала за лунником, не забыв про саквояж.

– Я его уговорю, – он усмехнулся, – это ведь замок лунного лорда, он должен защитить меня от любой опасности.

– Но я – не опасность.

– Кто знает?

Кучер присвистнул, и экипаж покатился куда-то за башню, где могли находиться хозяйственные постройки. А граф, оставив Малику за спиной, подошел к подрагивающим шипам, положил руки на один из них и некоторое время что-то говорил своему замку. Тихо, так, что Малика не услышала ни слова – но она даже не пыталась расслышать, стояла, задрав голову, и не могла налюбоваться перламутровым титаном, подпирающим небесный купол.

Все, что создает природа... или хотя бы взято из нее, чтобы быть измененным с помощью магии, *идеально*. Ни одной лишней или неправильной линии, которая бы нарушила гармонию образа. Малика по-прежнему видела перед собой выросшую непомерно раковину теребры, которой бы самое место в Лучистом море. Не исключено, что именно оттуда и выдернула ее воля государева магистра.

– Госпожа Вейн?

– Извините, – она оторвалась от созерцания башни и поспешила вслед за графом, который нес ее багаж.

«А как же там внутри?»

Когда Малика проходила сквозь распахнутые створки дверей, те дрогнули угрожающе, но граф снова что-то сказал – и ведьма беспрепятственно вошла в главный холл.

Вошла – и ахнула.

Все: стены, пол, потолок оказались черными, словно вулканическое стекло, даже блестящие точно также. Здесь почти не было разницы между стенами и потолком, все углы оказались сглаженными, пол перетекал в стены, а те, в свою очередь, в потолок. И трудно было найти хотя бы дюйм, лишенный драгоценных перламутровых инкрустаций, которые мягко переливались в аспидной мягкости стен.

– Всеблагий Эо, – потрясенно выдохнула Малика, – так вот как оно выглядит...

В самом конце огромного холла стояли большой стол и тяжелые стулья. Наверное, их граф приказал поставить сюда только чтобы придать залу хотя бы подобие жилого, Малика сомневалась, что кто-то здесь обедает. Ни намека на камин. А дальше – пологая лестница, спиралью уводящая на следующий уровень.

Ведьма, шагая за лунником, внимательно разглядывала стены. Светлые пятнышки инкрустаций постепенно сливались в огромные картины жития Всеблагого. Особенно вон та, где он

брошен на растерзание озверевшей толпе... А сюжет вон той какой-то странный. Огонь, охвативший красивое здание...

– Граф, – Малика догнала хозяина замка, – а не просветите ли вы меня насчет картин?

– Отчего бы нет, – он пожал плечами и остановился. До лестницы оставалось с десятков футов.

– Э-э-э... Простите, это, конечно, не мое дело – но как отнеслись служители Всеблагого к искажению истории его жизни?

В желтых глазах лунника скользнуло легкое презрение – то ли к Малике, то ли ко всему роду человеческому.

– Вам это действительно интересно?

Она кивнула, немного задетая пренебрежительным тоном.

– Во-первых ни один слуга Эо не был здесь, – тяжело произнес граф, – а во-вторых, с чего вы вообразили, будто живой замок будет украшать свои стены подобной дребеденью? Судьба Всеблагого постигла многих, но только о нем и помнят. Вы не находите, что это... *несправедливо* ?

«Хорошо, что его не слышит никто, кроме меня», – успела подумать Малика, – «за такие речи по голове не погладили бы, точно» – и затем граф очень тихо сказал:

– Живой замок, госпожа Вейн, украшает свои стены воспоминаниями хозяина. Ваше любопытство удовлетворено?

Не в силах вымолвить ни слова, Малика кивнула.

– Прошу вас, пройдемте в мой кабинет. Там вы немного отдохнете, я приготовлю кофе, а затем нам придется кое-что обсудить.

– Вы сами готовите? – не удержалась Малика.

– До конца Сэлдима я распустил всех слуг, кроме кучера, который живет вне замка.

– Извините.

– Не извиняйтесь, – он уже поднимался по лестнице, как всегда, грациозно и легко. Как дикий зверь... как хищник.

Малика с замиранием сердца ступила на сверкающие ступени, которые казались намазанными глазурью. Они оказались гладкими, но совсем не скользкими, и ведьма, подобрав длинный подол юбки, заторопилась вслед за лунным лордом.

* * *

Кабинет оказался округлой повсюду комнатой с полным отсутствием каких-либо углов. Даже окно, в которое лился веселый солнечный свет, было идеально круглым и напроочь лишенным стекол. – «Когда наступают холода, замок сам затягивает окна костяной пленкой», пояснил граф Рутто.

Мебель показалась Малике чрезмерно роскошной – впрочем, что еще может стоять в кабинете лорда? – и чрезмерно темной. Черное дерево, синяя обивка, но не яркая, а как ночное небо. Тускло поблескивало старое серебро богатых канделябров, из которых никто не удосужился убрать оплывшие свечи.

Ведьма расположилась в кресле. От непонятного волнения подрагивали руки, ее начало знобить. На стенах опять оживали воспоминания графа, который чудом пережил времена, когда на лунников шла охота.

«Лучше бы и не смотреть», – Малика отвернулась, – «неужели у него больше ничего нет, кроме костров, четвертований и отрубленных голов? Как он вообще умудряется жить в таком замке?!!»

– Вот и я, – лунник неслышно появился на пороге с подносом, – полагаю, вы не откажетесь от сладостей? Мне всегда говорили, что женщины обожают конфеты...

Он сменил строгий сюртук на длинный темно-зеленый кафтан, расшитый серебром, и стал казаться еще бледнее. Но если раньше в желтых совиных глазах можно было прочесть хотя бы презрение, то теперь они превратились в два золотых зеркала. Поди пойми, о чем он думает.

Малика взяла с подноса миниатюрную чашечку. Опять-таки, блестящую и перламутровую, как будто посуда выросла вместе с замком. Граф устроился за письменным столом, опершись на него локтями.

– Наш инспектор Берн... Вам не следует держать на него зла, – мягко сказал он.

– А вы? Вы – держите?

– Ничуть, – последовала странная улыбка, – мне плевать на него, госпожа Вейн. Равно как и на тех, кто одержим той же идеей...

– Какой же? – она с хрустом разжевала засахаренный орешек и почувствовала себя куда лучше. Все-таки правду говорят, что сладкое поднимает настроение.

– Идеей о том, что ведьмы и лунники – йорггово воинство, – вертикальные зрачки лунника сузились, – лично мне все равно, что обо мне думают, госпожа Вейн. Люди слишком боятся лунной немочи.

– Я ее тоже боюсь, – сказала Малика, – что в этом странного?

Они помолчали. Затем граф мягко заметил, что пора бы Малике рассказать о том, что привело ее в Блюменс. Он, читая ее мысли, видел только ближайшие события – «А потому, госпожа Вейн, поведайте о том, кто вы есть на самом деле».

– С удовольствием, – она отставила недопитый кофе, но не удержалась и сгрызла еще засахаренный орешек.

...Граф очень внимательно ее выслушал, прерывая только в тех местах, где хотел что-то уточнить.

– Вас пригласили двадцать пятого?

– Да, именно.

– Но сегодня только двадцать третье.

– Мне казалось, что если я приеду раньше, будет только лучше.

Или –

– Вы уверены в том, что он умер от яда?

– Абсолютно. Характерный запах, некоторое количество рвоты... простите...

– Ничего страшного, продолжайте...

Наконец Малика замолчала и выжидающе поглядела на графа, который задумчиво помешивал ложечкой остывший кофе. Ведьме все казалось, что этот лунник о чем-то размышляет.

– Больше вы не видели этого... Нэйда? – вдруг спросил он.

– Понятия не имею, где он сейчас, – она пожала плечами, – мне почему-то кажется, что он мог приложить руку к случившемуся.

– Он предлагал вам вернуться домой, – прошептал граф, – но вы не послушались. Может быть, теперь настало время?..

Малика едва не подавилась кофе. Ну надо же! Как, однако, упорно все хотят видеть ее в пределах Академии! Словно она, Малика, постоянно кому-то наступает на больную мозоль...

– Извините, граф. Но раз уж я приехала сюда успокоить вашего призрака Хаора, то я не уберусь из города до тех пор, пока Хаор не упокоится в мире ином. К тому же... В вашем городе убили человека. Не кажется ли вам, что неплохо бы заняться и этим? Хотя бы для того, чтобы в будущем не стало одним злобным призраком больше?

Лунник молча смотрел на нее как на заморскую диковинку, все также помешивая кофе. Затем сухо заметил:

– Вас едва не засадили в тюрьму, госпожа Вейн. И вам этого мало? Что я должен сделать, чтобы вы убрались туда, откуда явились?

- Можете мне помочь найти убийцу, – быстро сказала Малика.
- Я могу вам помочь сесть в дилижанс, госпожа Вейн.
- Вы не понимаете, граф. Я не уеду до тех пор, пока не...

Она даже не успела что-либо сообразить, как плечи оказались зажатыми в железных тисках. Всеблагий, а на вид графские руки казались такими изящными, почти хрупкими! Белое, перекошенное от гнева лицо лунного лорда оказалось так близко, что они едва не стукнулись лбами. Малика только зубами клацнула, когда он встряхнул ее и рявкнул:

– Вы немедленно уберетесь отсюда, госпожа Вейн! То, что здесь происходит, вас не касается, ясно?! И если кому-то... даже если этот «кто-то» – не Хаор... если он считает нужным наказывать виновных, то я не буду вмешиваться, ясно? И вам не позволю!

– Я донесу на вас, граф Рутто, – это была крайняя мера, конечно, но иного выхода Малика не видела, – я собственноручно напишу в своем отчете о том, что вы покрываете убийц на вверенных вам землях! Надеюсь, вам это понятно?! И тогда никакой живой замок не поможет... скрывается от правосудия!

Пальцы разжались, и Малика плюхнулась обратно в кресло.

– Вот, значит, как, – вкрадчиво прошелестел лунник, глядя на Малику сверху вниз; его грудь тяжело вздымалась, и только поэтому можно было сказать, что графу нелегко держать себя в руках. На лице не отражалось ровным счетом ничего, глаза – два бездонных колодца, до краев наполненных жидким золотом.

– Да, вот так, – решительно сказала ведьма, в душе ругая себя последними словами, – нравится вам это или нет, я сделаю то, ради чего сюда приехала.

Ей на миг показалось, что граф успокоился. Ну, или почти успокоился.

– А вы не подумали о том, госпожа Вейн, что я могу вас сейчас убить? Да-да, здесь. А мой замок с радостью припрятает тело где-нибудь глубоко под землей?

Об этом, само собой, Малика не думала. И потому растерялась. Наверное, вид у нее при этом был самый дурацкий, потому что лунник истерично расхохотался, потирая ладони.

– Неужели вам все равно, что кто-то убивает ваших подданных? – прошептала ведьма.

– Да, мне все равно, госпожа Вейн. Пусть они хоть глотки друг другу перегрызут, я и пальцем не шевельну. А что, вас задевает мой ход мыслей? Почему я должен защищать тех, чьи предки хотели моей смерти?

– Но...

Глаза лунника зло сверкнули.

– Вы так и не ответили, госпожа Вейн. Что, если я вас придушу... допустим, вон той подушкой... А тело спрячу?

– В Академии известно, куда и зачем я отправилась, – попробовала солгать Малика.

– Что ж, предусмотрительно, – граф сделал вид, что поверил. – но меня это не пугает.

– Те, кто приедут сюда меня искать, будут спрашивать людей на улицах! Я не сомневаюсь, что все они... а в особенности инспектор Берн... укажут на вас. Да! Вы – последний, кто видел меня живой, граф Рутто!

– И что? Что с того, госпожа Вейн? Нет тела – нет убийства, вам это должно быть прекрасно известно. И призраки далеко не всегда возвращаются, вам ли этого не знать?

Малика умолкла. Она вдруг поймала себя на странном ощущении, что ведет себя неправильно. Спорить с лунником, да еще с мужчиной к тому же? Помилуйте! Куда легче пробить головой каменную кладку! Ведьма бросила на своего оппонента быстрый взгляд – граф, опершись руками на стол, не отрываясь следил за ней.

"Йоргово творение", – ругнулась она мысленно, – "как же его переубедить?"

– Послушайте, граф, – тихо сказала она, – сжальтесь. Я очень устала. Я всю ночь тряслась в дилижансе, а утром попала в эту дурацкую историю. Если бы я приехала днем позже, все ограничилось бы выслушиванием городских сплетен...

– Ближе к делу, госпожа Вейн.

– Дилижанс на Пражен будет завтра вечером. Позвольте мне... переночевать здесь. А завтра – клянусь Всеблагим Эо! – завтра я уеду, и вы больше никогда меня здесь не увидите.

– Вы с ума сошли, если полагаете, что я позволю вам остаться в замке, – отрубил лунник, – и довольно, довольно! Я настаиваю на том, чтобы вы убрались отсюда, и вы уберетесь. Не спорьте и не возражайте. Я заплачу вам те триста фунтов, которые вы получаете за каждого упокоенного призрака (видите, я немного в курсе того, что происходит за пределами пустошей). Таким образом вы ничего не теряете и... Поверьте, если вы возьмете и просто уедете, так будет лучше для всех.

– И для меня в первую очередь? – Малика невинно моргнула.

– Не знаю, – граф пожал плечами.

Тут Малика взмолилась:

– Но куда же я сейчас денусь? Вы выдворяете меня из городка, выгоняете из замка. Но раньше завтрашнего вечера я все равно никуда не уеду! Прикажете ночевать на улице? Всего одну ночь, граф!

Он обогнул столик и вновь приблизился. Малику пробрала дрожь – тут одного воспоминания о графской хватке было довольно.

"Задушит – не задушит?" – иронично подумала ведьма, не сводя глаз с бледного, но все же очень приятного лица лунника.

– Вы не совсем правильно меня поняли, – глухо произнес он, – я не могу вам позволить остаться в замке... не потому, что хочу выбросить вас на улицу. Но вы-то, вы! Ведьмы должны знать, что такое луна Сэлдима. Вам попросту небезопасно здесь оставаться. Я, видите ли, далеко не всегда могу держать себя в руках, а тоска по свежей крови – она, знаете ли, довольно сильна.

– Я постараюсь не выходить за пределы своей комнаты, – пообещала она. Может быть, слишком торопливо, – я запру на ночь дверь.

И граф неожиданно согласился, как будто понял, насколько бесполезное это занятие – спорить с женщиной.

– Хорошо, госпожа Вейн. Вы останетесь в моем скромном жилище до завтрашнего дня, а затем, как и обещали, покинете пустоши. По рукам?

– По рукам! – быстро согласилась.

Руки у лунника оказались прямо-таки ледяными наощупь.

...Но, поднимаясь по лестнице вслед за Альвеном Рутто, ведьма тихо торжествовала. Как ни крути, ей удалось выиграть целые сутки. Ночь и завтрашний день. А за день можно было успеть ну о-очень многое. Даже переубедить графа в вопросе отправки ее, Малики Вейн, обратно в Пражен. Осталась сущая мелочь: понять, к чему ей, праженской ведьме, грязные делишки жителей Блюменса?

Замок лунного лорда

Граф Рутто оказался на диво проницательным лунником, а потому сразу же отвел Малику в такую комнату, из которой она бы не смогла сбежать при всем желании. Выглянув в овальное окно, ведьма только помянула йоргга: спрыгнуть на землю и не сломать себе при этом шею казалось попросту невозможным. Зато вид открывался прекрасный – внизу, как на ладони, лежал городишко со всеми его злобными инспекторами и убийцами, а дальше, на север, простиралась долина, поросшая сиреневыми ирисами. Давно перевалило за полдень, а по краям долины все еще стелился туман, и – Малика тут же подумала, что ей мерещится – в тумане сверкнул багровый огонек.

– Хм, – ведьма задумчиво накрутила на палец непослушную прядку. Уж не дружище ли Нэйд развел костер?

Она не без досады глянула снова вниз. Нет уж. Прыгать отсюда точно не стоит. Хватит Ирисовым пустошам и одного трупа за день. А проскользнуть к выходу мимо графа... Ох-хох-хох.

И, чтобы не тратить время зря, Малика открыла саквояж, затем переделась в сорочку и длинный халат из черного бархата (настоящее ведьмовское одеяние, между прочим!), а затем и вовсе легла спать, благо, что кровать в комнате оказалась просто королевской. И широкой, и мягкой. В таких кроватях вообще редко спят в одиночестве, и ведьма даже подумала, а не соблазнить ли шутки ради самого хозяина замка, но тут же оборвала себя. Этот лунник настолько не любил людей, что сама мысль о романтическом свидании казалась кошунством.

– Ну и ладно, – Малика забралась под одеяло, затем вылезла, добыла из саквояжа свои замечательные носки и натянула их на босые ступни. После этого можно было спать до самого заката – "а там что-нибудь придумаем".

Но заснуть не получалось. В голове свинцовыми шариками катались одни и те же мысли: Нэйд и лунный лорд не желают, чтобы ведьма из Пражена вертелась рядом с пустошами, но кто-то нарушил покой ведьмака, кто-то написал письмо с просьбой о помощи... Она прибыла двумя днями раньше, и – бац! – наткнулась на бездыханное тело того, кто *якобы* ей писал. Нехорошая выходила история. Вообще, хуже некуда, когда в узел сплетаются дела мира сего и мира запредельного. Здесь оставалось только пожалеть призрака Хаора, которого выпустил некий неизвестный ловкач. Ну, если конечно, лунник не солгал и призрак действительно разгуливает по Ирисовым пустошам, пугая жителей Блюменса.

Поворочавшись в кровати, Малика села. А может быть, в самом деле – взять и уехать? Поступить так, как ей советуют? Забыть все, что здесь произошло... Правильно говорит лунник – пусть хоть глотки друг другу перегрызут, люди на то они и люди. Ну, а что до призрака... Вряд ли он помешает кому бы то ни было. Разве что долгими зимними ночами будут горожане слушать дикие завывания неупокоенного духа, разносящиеся над заснеженными пустошами.

Ведьма принялась расхаживать по спальне. Ее взгляд то и дело возвращался к саквояжу. А что, и то правда. Собрать вещички – и домой, в цивилизованный Пражен, где на ведьмаков не смотрят как на исчадий йоргговых.

«А как же Нэйд?» – Малика остановилась и зябко поежилась. Вспомнилось нехорошее предчувствие беды, когда она смотрела на своего случайного попутчика. Остановилась – и тут же возразила себе: – «Он наверняка знал, на что идет, отправляясь сюда».

«И ты будешь спокойно спать, зная, что могла помочь – но не помогла?» – завозило в норе то небезызвестное чувство, которое называется совестью.

Ведьма только хмыкнула. Кому помогать-то? Этим людям, которые бы с радостью отправили бы ее на костер, да еще и дровишки подбрасывали с криками «гори ведьма, гори»? Или... этому луннику, которого только что не перекашивает при виде собственных же подданных?

Пожалуй, единственной и настоящей жертвой во всей этой круговерти остался дух ведьмака Хаора. Его вырвали из тихого посмертия, его, судя по всему, кто-то пытался использовать в своих недобрых целях.

– Тоже мне, – сердито буркнула ведьма, – нашлась защитница невинно убиенных... Ты просто дура, Малика Вейн.

«Принципиальная дура», – поправила она себя мысленно, – «а если уж граф Рутто пожелает выставить меня отсюда, ему придется применить силу. Потому что я, изгоняющая призраков, уберусь из этого городка только связаной по рукам и ногам».

Что ж. Решение было принято. Осталось только дать знать о нем графу.

И вот тут-то Малика засомневалась. А что, если лунник тоже замешан в этом грязном деле? Ему-то с его нечеловеческой силищей ничего не стоит придушить женщину, а потом припрятать в подвалах живого замка!

Малика опять высунулась в окно. Йоргг! До земли далеко, весьма и весьма. На минутку ведьма позволила себе помечтать о том, что было бы, умей она справляться с воздушной стихией. Расправила бы невидимые крылья, и прощай, перламутровая цитадель!

Но мечты, подобные этой, навсегда останутся только мечтами. У каждого человека – Малика была абсолютно в этом уверена – имелось свое собственное, неповторимое предназначение. Постигнуть его, конечно, невозможно, но если тебе дано умение дергать на бесцветные нити посмертной магии – дергай и не возмущайся.

...И вдруг она услышала крик. Нет, даже не крик, не вопль – а предсмертный хрип умирающего.

«Это невозможно», – она вскочила с кровати и заметалась по комнате. Кто-то был смертельно ранен, а может и убит... где-то... рядом.

Малика замерла, прислушиваясь. Затем выглянула из комнаты в черный с перламутром коридор. Поблизости не было никого – ни живых, ни мертвых.

«Но как же так?..»

Она ведь слышала, точно слышала хрип и бульканье крови в поврежденных легких. А рядом – пусто. И тихо.

Как же так?

А еще через мгновение ведьма получила ответ на свой вопрос. Причем в весьма неожиданной форме: пол резко вспучился, выгнулся горкой, сбивая с ног, холодная и скользкая волна бешено понесла Малику к лестнице, ведущей вниз. Впрочем, лестницы не было: ведьму поджидало нечто вроде желоба, закрученного широкой спиралью.

– О-ох! – только и успела выдохнуть Малика.

Замок, поberi его йоргг. Живой замок, одним словом.

...Он швырнул ее вниз, на странно пульсирующий пол, где подпрыгивал большой обеденный стол, выбивая дробь всеми четырьмя ногами. Малика осторожно приподняла голову, осмотрелась. Потом гаркнула во всю силу легких:

– Да перестань ты!

И замок послушался, словно предоставляя дальше ей действовать самостоятельно. В трех шагах от места, где, путаясь в халате, поднималась на ноги Малика, неподвижно вытянулся лунник. Он лежал на животе, разбросав в стороны руки, а из-под левой лопатки красноречиво торчала черная рукоять кинжала, инкрустированная перламутром.

* * *

Еще никогда в жизни госпожа Вейн не ругалась так отчаянно. А чего вы ждали? Живой замок пытался спасти хозяина, только и всего. Странно вот только, что он пропустил убийцу.

А еще более странно, что этого же злодея он выпустил обратно. Разве что только... Тот, кто воткнул кинжал в спину лунному лорду, не был чем-то материальным?!!

Малика только зубами скрипнула. Она сильно сомневалась в том, что у призрака хватит масла подмешать в вино цианистого калия – но сколь угодно много бывало случаев, когда разъяренные привидения занимались метанием острых предметов.

Пока Малика размышляла, руки делали свое дело: она выдернула стилет из спины лунника, быстро оторвала кусок собственной сорочки, скомкала его и зажала рану. Она даже успела мысленно поблагодарить ректора Академии за то, что он заставил всех преподавателей прослушать курс лекций по «отстранению посмертия».

– Граф, граф! – ведьма изо всех сил хлестала его по щекам. Только сейчас заметила старый рваный шрам через все горло, словно когда-то Альвену Рутто пытались отпилить голову тупым ножом.

Ну хоть бы сказал, кто на него напал, что ли...

– Тьфу! Да если вы умрете у меня на руках, меня точно поймают и сожгут, – в сердцах выкрикнула Малика и снова ругнулась, – ох уж мне эти лунники!

Но, возмущайся – не возмущайся, Альвен Рутто уплывал. Туда, откуда, как правило, уже не возвращаются. Малика быстро оттянула ему веки, заглянула в желтые нечеловеческие глаза и отпрянула. Ведьмы остро чувствуют приближение смерти: лунному лорду оставалось жить считанные минуты.

Она подхватила его под мышки, положила его голову себе на колени. В конце концов, она ведьма или кто?! А господин ректор – умница, таких днем с огнем не сыщешь...

– Граф, – шептала Малика, поглаживая его по щекам, – граф, вернитесь. Я вас очень прошу. Я вас не знаю, но мне кажется, что многие ваши поступки можно объяснить... и вас извиняет ваше прошлое...

Ровно и четко Малика начала произносить заклинание. «Амулет ста жизней», так это называл господин ректор.

«Любой из вас должен его знать назубок», – ухмылялся старый ведьмак, – «и уметь использовать, когда более не останется надежды. Любой, слышите? Даже если ваша специализация далека от витальной и целительной!»

Почему «ста жизней»?

Все очень просто.

Взять по капле жизненной силы у ста живых существ и дать собранную силу тому, кто в ней действительно нуждается.

Ведьма закрыла глаза. Теперь уже сама она расплывалась, распадалась на прозрачные дольки. Растекалась по тканому полотну Этернии, чтобы вобрать в себя необходимое количество жизни. У кого ее можно позаимствовать? У прекрасного и грациозного оленя. У опасной рыси. У альбатроса, парящего далеко-далеко, там, где морская гладь сливается с бирюзовым небом. Много их, безответных и не жадных. Только бы успеть.

Капли собирались воедино, и ведьма вновь почувствовала себя человеком. Ну, или почти человеком. Под ребрами пульсировал обжигающий комок собранной силы, Малика крепко зажмурилась – и быстро проговорила последние слова магической формулы. Кокон в груди дрогнул, разделился на два колючих ручейка, а затем медленно, неохотно покинул тело ведьмы, вливаясь в умирающего.

Н-да. «Амулет ста жизней» был хорош. Правда, при условии, что пациент не успел испустить дух.

Малика вглядывалась в неподвижное лицо лунника. И – вот ведь странно! – теперь оно казалось жалким и встревоженным, словно у ребенка, который потерялся в толпе. Все наносное, искусственное унеслось прочь, и ведьма увидела того, кем на самом деле был лунный

лорд Блюменса. Просто очень несчастным, одиноким существом, загнанным в угол проклятием собственной природы.

Она осторожно пощупала пульс на шее – тишина.

Еще немного, и почувствуешь колющие искры от костра, на котором сожгут ведьму-убийцу.

– Всеблагий Эо, – прошептала ведьма, – но почему, почему?!!

И вскрикнула от неожиданности, когда тело под ее руками содрогнулось.

– Альвен! – придерживая на коленях голову графа, Малика свободной рукой провела по его спине. Смертельная рана полностью затянулась, и ведьма рассмеялась. Вот вам, получайте, невидимые враги! И мы, ведьмы Академии, не так просты, как может показаться!

Желтые глаза лунника широко распахнулись, он закашлялся – на губах появилась кровь. Он быстро облизнулся, совсем по-звериному, затем уже вполне осмысленно уставился на Малику.

– Вы?!!

– Я, – радостно ответила она, – лежите, граф. Теперь вы мой должник.

– С какой это стати? – огрызнулся лунник и, поморщившись, отстранил руки Малики, – что вообще, побери меня йоргг, произошло? Что вы здесь делаете, когда я просил вас не высываться из своей комнаты? И что здесь делаю я?!!

– Можно подумать, вы не помните, – надулась Малика.

Оказалось, граф не только презирал весь род людской, он еще и не был обременен... совершенно, причем... Чувством благодарности! Прямо чудеса какие-то.

– Не помню, – пробормотал лунник и уставился на Малику, – это ваши фокусы? Чего добиваетесь, госпожа Вейн?

Он быстро поднялся на ноги, огляделся – и ведьма услышала вполне закономерное «ничего не понимаю».

– Призрак Хаора, очевидно, силен, – сказала она в спину Рутто, – если вы даже не помните...

Лунник подозрительно прищурился.

– Что это вы делаете на полу, госпожа Вейн?

– Что я делаю? – она хихикнула, – возвращаю вас из мира мертвых, милорд! И надеюсь услышать хотя бы «спасибо» за труды тяжкие, не говоря уже о вознаграждении...

– Да вы просто сумасшедшая. – он отвернулся и, по-видимому, задумался. Потом спросил, – так что, по-вашему, здесь произошло?

– Снимите что-нибудь из одежды, – ведьма все еще сидела на полу. Вставать она не торопилась, заклинание отнимает немало сил у ведьмы с «чужой» специализацией, – и посмотрите сквозь ткань на свет. Ответ вы найдете там.

Граф даже не нашелся, что ответить. Но затем, видимо, желая расставить все точки над «и», быстро снял кафтан, внимательно оглядел расплывшееся кровавое пятно, а заодно и аккуратную треугольную дырочку.

– Что скажете, милорд? – мягко поинтересовалась Малика, решив ковать железо пока горячо.

Он долго молчал. Потом с яростным шипением швырнул кафтан в угол, оставшись в белой сорочке. У Малики защемило сердце – милорд, милорд... Нет покоя в душе, нет согласия с самим собой. Лунник он и есть лунник, изменчивый, как его ночная госпожа.

– Где стилет? – сквозь зубы обронил Рутто, склоняясь над Маликой.

Она молча подала оружие, ненароком подумав – вот он, последний миг ее жизни. Кто знает, что там на уме у графа?

– Вы видели, кто это сделал? – тихо спросил он, разглядывая клинок.

– Я надеюсь узнать об этом у вас. Замок меня сюда вытолкнул, как будто...

– Он знал, что ведьма может спасти его хозяина, – лунник холодно улыбнулся. – возвращайтесь к себе, госпожа Вейн. Полагаю, что найду, как вас отблагодарить.

Малика поднялась, поспешно запахнула на груди халат. От нее не ускользнуло то, с каким великолепным презрением граф обежал взглядом ее наряд, больно кольнула обида. Что ж, пусть. Не родня, и не близкий друг – просто... еще один эпизод долгой ведьмовской жизни.

– Позвольте мне остаться в Блюменсе, – прошептала ведьма, – пожалуйста.

Положа руку на сердце, она уже и сама не понимала, зачем ей все это нужно.

Лунник не торопясь обогнул обеденный стол. Постоял на том месте, где на полу осталось кровавое пятно, рассматривая Малику пустым, отсутствующим взглядом.

«Откажет», – грустно подумала она.

– Оставайтесь, – сквозь зубы процедил граф.

– Наконец-то вы прислушались к голосу здравого смысла, – не удержалась Малика.

Лунник только что зубами не заскрежетал. Малике показалось, что еще немного – и он пальцами продавит дырки в столешнице, на которую опирался.

– Близится вечер, госпожа Вейн. Надеюсь, у вас хватит благоразумия не покидать свою комнату до утра?

– Наоборот, милорд, – Малика широко улыбнулась, – эту ночь я намерена провести в вашей спальне. Рядом с вами.

От подобной наглости лунник онемел. Но затем очень быстро взял себя в руки – надо отдать должное, граф Рутто вообще недурственно владел собой, даже новость о том, что едва не помер, воспринял с удивительным спокойствием.

– Я не могу понять, к чему вам это, госпожа Вейн, – сказал он негромко, – но, полагаю, вам известно, чем может закончиться ночь, проведенная в моем обществе во время большой луны?

* * *

Этерния – тканый мир, но мало кому дано увидеть причудливое плетение разноцветных нитей. Большая часть смертных слепа: они не чувствуют, как связывается в тугие узелки их собственное бытие с тем, что вокруг. Они так и не смогли понять, что, дергая одну из нитей, мы всегда потревожим прочие, а разрывая ткань – лишаем существования тысячи невидимых глазу струн. Узор Этернии создается каждое мгновение, складываясь в судьбы, каждое обладающее волей существо ваяет свой неповторимый орнамент, счастливое в своем неведении. А в каждом штрихе, каждом стежке, узелке объединяется все, что существует независимо от нас и вместе с нами.

Ведьмам тоже не дано увидеть совершенство полотна. Но – чувствуют. Кто кобальтовые нити воды, кто хрустальные струны воздуха, кто жаркие росчерки огня. Не видят, но могут точно сказать, куда переместится нужная ниточка, если, помогая простому волеизъявлению, пробормотать уместные слова заклинания и сложить должным образом руки. Получается, что ведьмы – знают, как изменить рисунок полотна. Совсем чуть-чуть, на самую малость... Но и этого довольно, чтобы причислить их к сонму слуг йоргтовых, от которых, как известно, все зло в судьбах честных этернийцев.

Ведь, дергая за одну нить, мы всегда тревожим мириады прочих.

* * *

Дар Малики Вейн был особенным. Как любил говорить господин ректор – «специфическим». Малика чувствовала те бесцветные, с привкусом ржавого железа ниточки, которые выбивались на лицевую сторону полотна с изнанки Этернии, из мира, который нельзя пощу-

пать, но очень даже можно увидеть – особенно если он проявляется в виде озлобленного и обиженного на все живое призрака.

Все очень просто: есть жизнь, а есть не-жизнь, океан теней, разлившийся бесконечным зеркалом за гранью этого мира. И если ведьму «водяную» невозможно утопить – она всегда успеет защитить себя водой, соорудив вокруг себя пузырь, наполненный воздухом – так и призракам весьма затруднительно причинить зло ведьме «потусторонней». Она окружит себя коконом, свитым из тех самых бесцветных нитей. Если, конечно, успеет.

... – Прошу, – насмешливо сказал граф, распахивая перед Маликой двустворчатые двери.

За этимичерными, с брызгами перламутра створками находилась святая святых замка, графская опочивальня. Ведьма с интересом заглянула внутрь: кромешная темнота, ничего не разобрать. Только слабые отблески на черных стенах.

– Вы не любите свежий воздух, граф? – ковылять на ощупь не хотелось, совсем.

Малика подняла взгляд на стоящего рядом лунника. Тот успел переодеться, сменил окровавленную сорочку на новую, белую как только что выпавший снег. Очень приятный молодой мужчина, если не обращать внимания на желтые совиные глаза и на выражение ледяной вежливости на лице. – «Он меня только терпит. Не более», – сказала себе Малика.

– Свежий воздух здесь не при чем, – прозвучало в ответ, – моя спальня находится в центре замка, госпожа Вейн. Это... его сердце. Исчезни я хотя бы на месяц – все здесь превратится в прах, оседет на холме пылью, которую затем унесет ветер. А в чем дело? Вы боитесь темноты?

И лунник кровожадно ухмыльнулся, нарочно демонстрируя белые зубы. С ними было все в порядке: резцы и клыки казались чуть длиннее и чуть острее, чем у обычных людей. Но как раз от этого «чуть» и бросало в дрожь.

Малика невольно поежилась, снова задаваясь вопросом – собственно, на кой все это ей нужно. Альвен Рутто сделал паузу, а затем, так и не дождавшись ответа, склонился к ведьме:

– А может быть, госпожа Вейн, вы наконец поняли, *кого здесь следовало бы опасаться*?

– Вы себе льстите, граф, – Малика улыбнулась и решительно переступила низкий порог.

– Видимо, я польстил *вам*, – прошелестело в спину, – подумав, что вы вовремя образумитесь.

Ведьма промолчала. Сосредоточенно вытянув вперед руки, она мелкими шажками плыла в густом мраке. Кто мог подумать, что спальня лунного лорда окажется столь... *малопривлекательным* местечком? Кажется, под ногами был голый пол. И глаза еще не успели привыкнуть к темноте – ну хоть бы свечу зажечь, что ли?!! Потом колени Малики уперлись в нечто жесткое, она быстро ощупала предмет. Похоже, кровать, застеленная шелковым покрывалом.

«Ну и ладно», – подумала ведьма.

За ней, в светлом овале двери, вырисовывался неподвижный силуэт лунника.

– Вот гад, – сквозь зубы буркнула Малика.

И уселась на кровать.

– Идите сюда, милорд.

– Минуточку. Я только принесу нам кофе, раз уж вы собрались коротать здесь время до рассвета, – голосом самого Всеблагого отозвался лунник.

А потом он сделал какое-то неуловимое движение, и... Вход закрылся. Попросту зарос.

– Йоргг!!!

Малику с кровати как ветром сдуло. Она в три прыжка добралась до того места, где раньше была дверь и что есть сил забарабанила кулаками в упругую и теплую стену.

– Мило-о-орд!!! Я бы... да! Я бы попросила вас так не шутить! Милорд?.. Граф Рутто! Побери вас йоргг, откройте! Немедленно выпустите меня! Граф!..

Но несколькими минутами позже Малика необычайно остро осознала, что лунник ушел, и уж выпускать ее тем более не собирается.

– Да вы просто дурак, граф Рутто! – гаркнула Малика во всю силу легких, – вас хотят убить, йоргг вас поберит! Я вас вытащила с того света! Вам же лучше, если я разберусь с Хаором и прочими! Альвен!!!

Тишина.

Малика, тяжело дыша, привалилась боком к стене.

Нет, ну какая же ты дурочка, Малика Вейн!

Темень.

Поверила луннику, вот уж действительно исчадие йорггово!

... Да уж.

В спальне графа было темно до тошноты. Ищешь, ищешь хотя бы проблеск света – а его нет. Малика зажмурилась, мысленно проклиная и графа, который слишком уж себе на уме, и собственную наивность. А что теперь будет? Вполне вероятно, что Альвен Рутто имеет самое непосредственное отношение к убийству. Даже скорее всего! Он что-то скрывает. Делает вид, что не помнит, кто пытался его убить и чья попытка увенчалась бы успехом, если бы не вмешалась она, Малика Вейн. Запер, йорггово отродье, в темной спальне – «надеюсь, что не навсегда!» – а это значит, что у самого Рутто вдруг появились неотложные дела.

«Ну, или он попросту решил от меня избавиться», – угрюмо подумала ведьма.

Потом ей почудилось, что сквозь упругую мембрану башни-раковины доносятся голоса, один из которых был женским.

– Эй! Э-эй! – завопила Малика, – выпустите меня! Всеблагий, я уеду, уеду завтра же! Я никому не расскажу о том, что здесь происходит!

Внезапно накатил приступ страха, руки затряслись, зубы начали выбивать барабанную дробь. А что, если... Если и вправду граф решил заморить ее здесь голодом, а тело потом спустить в подземелья?

«Но у него не должно быть причин желать моей смерти», – Малика из последних сил пыталась себя успокоить. По щекам побежали горячие соленые капли, горло сжалось.

«Нет причин? Ох, дорогая, ты можешь знать слишком много для того, чтобы остаться в живых!»

– Альвен! – в последний раз позвала Малика.

Нет ответа. Тишина. Страшная, как в гробу. И темно... точно также.

Сердце забило, заметалось в груди пойманной птицей. Сколько еще кидаться ей на теплую стену? Надолго ли хватит сил? Малика с хрипом втянула воздух, облила пересохшие губы. Ну вот, начинается. Попить бы – но воды нет. И, похоже, не будет уже до самого конца.

«А он будет приходить сюда каждый день и наблюдать за тем, как я умираю».

Ведьма сползла по стене на пол и закрыла глаза. Провела рукой по щекам, вытирая слезы. Если бы только... она оставила ректору записку о том, куда и зачем направляется! Тогда, может быть, ее бы успели найти еще живой, но все это – только мечты. Она, Малика Вейн, одинокая ведьма. Никому не интересно, куда и надолго ли она уехала. Никто не будет горевать, если больше она никогда не вернется в стены Академии. Разве что Лягух?..

Малика вдруг необыкновенно четко представила себе посыльного, его круглые и всегда печальные глаза, большой рот, вечно улыбающийся – но тоже невесело, а как-то заискивающе... Бедный человек, несчастное создание, которое никто не любит. Ее душили рыдания, но теперь уже от жалости к Лягуху.

«Бред», – решила ведьма, – «как скоро».

Но почему – скоро? Она не могла точно сказать, сколько минут – или часов – провела в этой душной тьме.

Малика прилегла, прямо на пол, положила руки под голову. Вслед за страхом пришла дикая усталость, а за ней шлейфом стелился тревожный сон.

«Какая же ты наивная дурочка, Малика Вейн», – успела подумать ведьма, засыпая.

* * *

...Что-то изменилось. В глаза ударил яркий с непривычки свет.
Свечи?!! Но...

Шумно вздохнув, Малика приподнялась на локте и огляделась. Похоже, она по-прежнему находилась в графской спальне. На комоде давно не чищеном серебряном канделябре ярко сияли золотые звезды свечей. Рядом, на лиловом покрывале, мирно ждал поднос, уставленный глянцево блестящей черной посудой.

Ведьма почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд и быстро обернулась, уже зная, кого увидит.

Лунник. В белой сорочке и черных шароварах, какие носили в восточных землях Империи. Иссиня-черные волосы рассыпались по плечам, придавая графу совершенно невинный, даже чуточку романтический вид.

Он стоял у распахнутых дверей спальни, опершись на стену, и очень внимательно разглядывал Малику. Без тени насмешки или презрения.

– В-вы, – прохрипела она, с силой проводя пальцами по лицу.

– Чрезвычайно трудно заподозрить истеричку в женщине, которая, не смущаясь, нюхает губы мертвеца, – негромко сказал лунник.

Он скользкой, невесомой походкой преодолел разделяющее их расстояние и остановился в изножье огромной, но довольно жесткой кровати. Малика пискнула и отпрянула, при этом едва не опрокинув поднос.

– Да что это с вами? – граф Рутто продолжал озадаченно рассматривать ее, – я вынужден признать, что некоторые... дела... заставили меня отсутствовать некоторое время. Но меня не было два часа, госпожа Вейн. Что произошло с вами? Здесь, в самом безопасном месте моего замка?

Ведьма облизнула губы, пытаясь собраться с мыслями. Что делать? Бежать, пока цела?..

– Зачем вы меня заперли? – с трудом выталкивая каждое слово, прошептала она.

– Так было нужно *для вашего же блага*. Я не обязан отчитываться, госпожа Вейн. Я здесь хозяин. И не моя вина, что вы возомнили себе йоргг знает что.

– Я думала... – Малика поняла, что дрожит как осиновый лист, – я думала, что... вы меня решили уморить... а тело...

Альвен Рутто пожал плечами.

– В любом случае, я бы не стал вас морить голодом и жаждой, госпожа Вейн. Лунники милосерднее людей, и вас бы ждала быстрая и легкая смерть. Я бы свернул вам шею – и все.

Он вздохнул и сел на край кровати, подвинул к Малике поднос.

– Простите меня, госпожа Вейн. Я не думал, что два часа в темной комнате вас... гхм... выведут из состояния душевного равновесия. Позвольте, я налью вам бокал хорошего вина и угощу прекрасным бифштексом с грибами.

– Зачем вы меня заперли, граф? – упрямо повторила Малика, – что такого вы скрываете?

– Это вас не касается, госпожа Вейн, – лунник невозмутимо наполнил бокал золотистым вином и подал его ей, – выпейте, оно придаст вам сил и сгладит воспоминания о тех неприятных ощущениях, которые вы испытали.

Манжет сорочки сдвинулся, и Малика увидела на гладкой бледной коже багровеющий след от чьих-то зубов. Причем зубов человеческих.

– Что с вашей рукой?

Он вздрогнул и поспешно оттянул рукав вниз.

– Как я уже сказал, это вас не касается.

Ведьма взяла бокал.

– Надеюсь, вы, граф, составите мне компанию?

– Полагаете, что я вас собираюсь отравить? – в уголках губ появились горькие морщинки, – не нужно так думать, госпожа Вейн. Я просто хочу, чтобы вы набрались сил и сделали то, что собирались. Вы ведь планировали заняться чем-то интересным в моей спальне?

Малика едва не поперхнулась. Точно! Два с небольшим часа назад она была твердо уверена в том, что будет спасать лунного лорда от невидимого врага. Но теперь... Какой был в этом смысл? Похоже, Альвен Рутто прекрасно обойдется и без магии. Или... все же – стоит попробовать?

– Я хотела оградить вас от призрака Хаора, – смущенно буркнула ведьма, – если он, конечно, не выдумка. Призраки особенно сильны ночью... Граф, а вы точно не помните, кто вас проткнул кинжалом?

Она очень внимательно наблюдала за лунником. Но нет. Ничто не дрогнуло на его лице, ничто не всколыхнулось в золотых глазах.

– Понятия не имею, кто бы это мог быть, – сокрушенно изрек лунник, – кажется, я читал. А потом вдруг обнаружил себя на полу, и вы держали в руках мою голову.

Малика пригубила вино. Безусловно, Альвен Рутто отменно владел собой – и при этом вдохновенно лгал. В конце концов, кто-то укусил его за руку, пока она, Малика, сидела взаперти. Ну, что ж...

Вино проложило теплую дорожку к желудку. Граф, отставив свой бокал, снял крышку с тарелки: там, попирая ломтики жареных опят, возвышался огромных размеров бифштекс.

– Вы так любезны, – вырвалось у Малики, – я немного приду в себя, и займусь подготовкой защитного круга. Ведь еще не поздно?

Лунник неспешно потягивал вино, и выражение его глаз чуточку потеплело.

– Сейчас восемь часов вечера, госпожа Вейн. Вы еще все успеете.

– Почему вы позволили мне остаться? – она прищурилась на лунного лорда, – боитесь, что рано или поздно Хаор вас прикончит?

Это была наживка, по большому счету глупость – но в душе Малики порхала легкой бабочкой надежда на то, что граф возьмет – да проговорится. О том, кто ему воткнул в спину кинжал, о том, кто от души цапнул за запястье, прокусив до крови...

Альвен Рутто продолжал смаковать собственное вино, и добродушно ответил:

– Я подумал, что Хаор в любом случае заслуживает покоя, уважаемая госпожа Вейн. Пусть... отправляется туда, где ему самое место.

– Значит, поначалу вы так не думали?

– Поначалу я думал, что Ирисовые пустоши обойдутся без ваших услуг.

«Ну что ж», – Малика положила в рот кусочек бифштекса. Готовили его со знанием дела, всего в меру – соль, специи, выдержано в маринаде. Неужели граф снизошел до занятий кулинарией? Хм. Если он и правда слуг распустил, то... – «Поглядим, что здесь к чему».

Она уже и сама не знала, чего ей хочется больше: выдворить призрака Хаора – или разобратся в хитросплетениях дел человеческих?

... Спустя час ведьма уже плела защитный купол.

Мысленный приказ, жест, слово. Ты не видишь, но чувствуешь, как из тканого полотна Этернии выдергиваются одна за другой бесцветные ниточки, липкие и тягучие, словно паутина, как ложатся они спиралью вокруг тебя, виток за витком. И так до самого верха, когда диаметр витка сходится в точку.

– Уфф.

Малика Вейн отерла пот со лба. Это не передать словами, да и не поймет простой смертный – но широкая кровать лунного лорда оказалась под призрачным куполом, который ведьма ощущала как продолжение себя самой, а пресловутый Хаор должен был воспринять как неодолимую преграду.

– И что? – граф недоуменно повертел головой. Его желтые глазищи светились в полумраке, отражая скудный свет свечи.

– До утра – ничего, – Малика пожала плечами. Затем, чуточку подумав, устроилась поудобнее: подогнула ноги, а под локоть сунула подушку. Лунный лорд уже давно расположился с комфортом, нагромоздив с десяток подушек одна на другую и соорудив себе нечто вроде кресла.

– То есть, я не могу выйти за пределы этой комнаты? – уточнил он.

– Можете. Но разрушите поставленную защиту.

Ей показалось, что лунник усмехнулся. Но в следующее мгновение лицо его было абсолютно серьезным – вот и поди пойми их, детей луны. Все равно что пытаться схватить блик света на водяной зыби.

– Луна взошла, – вдруг произнес граф. Взглянул на Малику выразительно, – вы не боитесь? Один на один с чудовищем?

– Я попытаюсь вас развлечь, граф.

Черные гладкие брови приподнялись.

– И каким же образом?

– Вы будете мне рассказывать о том, кто такой Хаор. Мне жутко любопытно, почему одно только его имя заставляет дрожать честных этернийцев.

Граф Рутто зябко обхватил себя руками за плечи, покачал головой.

– К чему ворошить прошлое, госпожа Вейн?

– К тому, чтобы упокоить ваше привидение, граф, – тоном, не терпящим возражений, отрубил Малика, – рассказывайте. У нас впереди целая ночь.

Он вздохнул с выражением притворной обреченности и пробурчал:

– Все равно, что на исповеди в храме Всеблагого.

* * *

... – С ведьмаком Хаором Ливори я познакомился с полтора века назад, когда прилетел в эти края с севера. Знаете, Этерния меняется. Ныне север за Солнечной горой – благодатная земля. Сто пятьдесят лет назад там было весьма неуютно. Холодно, сыро. Голодно, в конце концов. Вам, как ведьме, должно быть известно о лунниках чуть больше, чем простым этернийцам, госпожа Вейн – и не удивляйтесь, если я признаюсь, что в свое полуголодное детство я охотился на волков. У них... э-э... как бы объяснить... У волков очень сытная кровь, она была хороша в стужу, не давала замерзнуть. Но волки тоже должны что-то есть, стаи уходили все южнее, за оленями. Мы – следом. Не все, конечно, нет. Но моя семья решила перебраться туда, где тепло. Да, тогда нас было много – отец, мать, и трое моих братьев. И мы не могли предвидеть то, что случится в скором времени.

Граф замолчал, слепо уставившись на огонь свечи. Она горела ровно, длинным острым когтем разрывая мрак, но там, где обрывался золотистый круг света, тьма только сгущалась. Казалось – вот-вот набросится она на яркую звезду – и задушит, погасит, чтобы воцариться на века в перламутровой спальне лунного лорда.

– Что должно было случиться? – прошептала Малика. Отчего-то казалось святотатством говорить громко.

Лунник вскинул на нее рассеянный взгляд. О, как далеко он был в те недолгие мгновения!

– Объявили охоту на... нас, – одними губами ответил он. Затем тихо добавил, – мы оказались беззащитны перед людьми. И я спасся тогда, потому что был быстрее родителей и сильнее братьев. Хотя лучше было бы погибнуть. Ведь вся моя семья была убита, госпожа Вейн! Только за то, что какому-то полоумному фанатику пришло на ум то, что лунники – йоргова

армия, хотя самого йоргга никто в глаза не видел, и имя его служит только для того, чтобы где-то найти первопричину зла. Впрочем, все это не относится к предмету нашей беседы, верно? – он подмигнул с наигранной веселостью, от которой у Малики по коже побежали мурашки.

– Когда я, голодный и раненный, появился в Блюменсе, здесь все было немного иначе, – бодро продолжил лунный лорд, – домов здесь было больше, гораздо. Это ведь позже людей выкосила лунная немочь. А тогда... Здесь была самая настоящая городская ратуша с часами, площадь перед ратушей, рынок, хорошие дома... Правда, не каменные, всего лишь деревянные. Все они сгорели в пожар несколько лет спустя. И вот я, пятнадцатилетний сопляк, забился в щель между домами на окраине чтобы переждать день, а ночью попытаться раздобыть еды. Но меня быстро нашли, выволокли из укрытия и потащили на рыночную площадь. Я слабо помню, что было дальше. Толпа, перекошенные и багровые лица, полные живительной крови, едкая боль, когда в меня попадал ловко брошенный камень. Потом как-то очень сноровисто меня подвесили на крюк вверх ногами – на таких крючьях подвешивают свиные туши, госпожа Вейн. Я даже не понял, что произошло тогда. Помню собственное удивление, когда в подставленное ведро хлынула кровь. Из моего горла.

И он с легкой улыбкой показал пальцем на шею.

Малика обхватила плечи руками. Так вот откуда взялся старый шрам! Впрочем, стоит ли удивляться. В те времена Этерния была еще та... Да какая разница? Она и сейчас все такая же, не изменилось почти ничего.

Лунник спрятал лицо в ладонях, затем с силой провел пальцами по волосам.

– И свет заслонила тень. В пятнадцать лет мы мало что понимаем. Я думал, что это – йоргг, о котором тогда не судачил только ленивый. Йоргг, который явился за мной, чтобы утащить в свое подземное царство. Но оказалось, что... Это был Хаор, местный ведьмак. Он что-то крикнул в толпу, взмахнул руками, как будто отгонял назойливых и мерзких насекомых. Уж не знаю, что он тогда сделал, но... Людишки бросились врассыпную. А он быстро зажал мне рану рукой, что-то пробормотал – на шее сжался раскаленный обруч.

«Терпи», – сказал мне тогда ведьмак, – «это только начало».

Лунники славятся тем, что быстро регенерируют. Тогда, почти обескровленный, я потерял сознание, но это был не конец. Это был отдых, необходимый для восстановления. Вот так я и познакомился с Хаором, госпожа Вейн.

– А что было дальше? – безжалостно поинтересовалась ведьма.

Граф с интересом поглядел на нее, хмыкнул.

– Дальше я очнулся в его доме, госпожа Вейн. В чистой постели. С перевязанными ранами. Меня накормили впервые за много дней. Хаор думал, что я встану на ноги и уйду из его дома...

– А вы?

– А я не успел, – издевательски заметил граф, – толпа ворвалась в дом Хаора, госпожа Вейн. Столь любимые вами честные этернийцы, которым вы жаждете помочь. Они схватили Хаора, его жену, его дочь, выволокли на улицу и убили. Я же... малодушно спрятался. Вот так. Сидел в тайнике, которым не успел воспользоваться сам Хаор, и слышал слова его последнего проклятия. Видите ли... Я подозреваю, что дар у него был похож на ваш. Он мог напугать – но не убить. Этим-то и воспользовалась истошно орущая братия, кажется, среди них был жрец Эо, он кричал – вперед, вперед дети Всеблагого, не бойтесь теней йоргговых... Так вот. Умирая, Хаор обещал вернуться и наказать виновных. Ну что, это все, о чем вам хотелось узнать?

– Наверное, – ошеломленно пробормотала Малика. У нее просто не вязалось, как мог Альвен Рутто отсиживаться в безопасности, когда убивали его спасителя. Он совершенно не был похож на труса. Уж скорее бы ввязался в драку и погиб... Что-то здесь было не так. Хотя – что можно хотеть от пятнадцатилетнего мальчугана?

Она приложила ладони к пылающим щекам. Затем поинтересовалась:

– Если Хаора убили как ведьмака, откуда появился курган?

– Люди боятся проклятий, – усмехнулся лунник, – они собрали то, что осталось от ведьмака и его семьи, отнесли на пустошь и похоронили там.

– Значит, под ирисами спит вся семья, – пробормотала Малика, – ну что ж, спасибо за рассказ, граф Рутто.

– Думаете, это вам поможет?

– Я искренне верю в то, что верну Хаору покой, – спокойно отозвалась ведьма, – сейчас для меня важно только это.

– Только ли?... – желтые глаза Рутто превратились в злые шелки. Но вдруг, не дожидаясь ответа, он приложил палец к губам, – слышите, госпожа Вейн? Этот голос, взывающий к самой Справедливости?

Малика, недоумевая, прислушалась.

Под сводами живого замка царил тишина. Но не та тишина, о которой мечтаешь после шумного и суетного дня. Тишина мертвая и давящая – «как в склепе», – успела подумать ведьма... Ровно за миг до того, как где-то раздался звериный вой.

– Полагаете, это Хаор? – шепотом спросила она, вслушиваясь.

Лунный лорд задумчиво улыбался, блуждая в лабиринте собственных воспоминаний.

Тем временем, начавшись с басов, вой перекатился к высоким нотам, от которых задрожали и зазвенели бокалы. Еще миг – и снова тишина окутала спальню.

– Почему бы и нет? – лунник покачал головой, – курган потревожен, госпожа Вейн. Тот, кого убили невинно... Тот, кого убили *из-за меня*, вернулся. И пусть будут наказаны те, кто это заслужил.

«Что-то вы темните, милорд», – подумала Малика, а вслух сказала:

– Возможно, возможно. А вас не смущает, граф, что виновные давно отправились в мир иной?

– Остались их потомки, – сладко промурлыкал лунник, приподнимаясь с подушек, – возможно, их не так уж и много, госпожа Вейн. Но, смею вас заверить, убитый принадлежал к одной из старинных семей. Его прадед мог засадить ведьмаку нож под сердце. Или его прабабка собственноручно задушила жену Хаора. Все очень просто, госпожа Вейн.

Он говорил медленно, как будто смакуя каждое слово.

«Возможно ... и вы бы, граф, не отказались от мести, прикрывшись именем бестелесного призрака».

Малика признала эту мысль вполне здравой. Собственно, отчего бы нет? Мало кому понравится, когда тебе перерезают глотку как откормленному борову.

– Я бы хотела завтра же посетить курган, – сдержанно сказала она.

– Если позволите, я буду вас сопровождать, – хищно усмехнулся граф, – йоргг... ЛУНА! Я... я ничего не могу...

Он слепо уставился на стену, прилип взглядом к невидимому Малике ночному светилу – а она, как зачарованная, не могла оторваться от болезненного лица графа.

Вздулись вены, прочертив лоб синей сетью. Мгновенно набрякли черные мешки под глазами. И зубы, белоснежные острые зубы, казалось, подросли еще немного.

Лунник растерянно глянул на Малику – на миг ей померещилось в золотых глазах сожаление, взмахнул рукой. Фаланги пальцев продолжали удлиняться, ногти заострились, загнулись хищными когтями.

– Я предупреждал, – проскрежетал он невнятно, с трудом ворочая языком, – луна!

«Нетрудно было догадаться, что он долго не продержится», – отстраненно подумала ведьма. Еще мгновение, как под гипнозом, она смотрела на оплывающие, вытягивающиеся черты красивого лица лунника. А затем –

– Бегите! – проревело то, что минутой назад было почти человеком.

Распахнулись сами собой двустворчатые двери спальни, грохнули в страшной тишине о живые стены.

А Малика, стряхнув наконец столбняк, скатилась на пол и, скользя в шерстяных носках по гладкому перламутру, метнулась прочь.

* * *

Она, как говорится, удирала во всю прыть. Очертя голову. Совершенно не думая, куда бежит. Не давая себе ни одного шанса понять, что глупо даже пытаться спрятаться от лунника в его собственном замке. Ведь если живой замок помогает хозяину, то отчего бы ему не предоставить луннику и прекрасный десерт в виде молоденькой свеженькой ведьмы, полной вкусной крови и состоящей из ароматного мяса?

Малика неслась вперед по коридору, загибающемуся спиралью. Бесшумной тенью скользя в шерстяных носках. Вперед – и в неизведанные глубины исполинской раковины.

«Какого йоргга ты здесь делаешь, Малика Вейн?» – мысли прыгали как детские тряпичные мячики, – «зачем ты здесь? Почему не послушалась доброго совета и не убралась подальше от Ирисовых пустошей? Теперь – о, теперь ты рискуешь стать обедом для лунника! И все из-за жалких трех сотен фунтов, которые полагаются сотрудникам отдела за каждого упокоенного духа!»

Выносливость не относилась к числу достоинств ведьмы, а бег, как и следовало предположить, не входил в число ее интересов. Очень скоро закололо в правом боку, воздух сделался вязким и горьким, к горлу подкатила тошнота.

– Йоргг! – шепотом выругалась она, переходя на шаг и озираясь.

Ей, преподавательнице Академии Пражена, жутко хотелось неприлично ругаться. Н-да. Ты хотела приключений на свою седалищную часть тела, госпожа Вейн? Так и получай их в полном объеме!

...Но погони не было. По крайней мере, Малика не слышала за спиной ни топота тяжелого зверя, ни клцанья когтей по твердому полу. Она пошла дальше по коридору, размышляя о том, какое это счастье, что здесь не крошечный мрак. А то недолго и свалиться куда-нибудь... Кто знает, как устроен живой замок лорда?

В коридоре... Нет, в широкой галерее, куда попала Малика, было довольно светло, не смотря на полное отсутствие окон. Сверху на черный пол шеренгой опускались столбики лунного света; тонкие белые иглы прокалывали мрак – и бесконечно вереницей убегали куда-то вперед. Малика вздохнула, запахнула на груди халат. Ну надо же, стоило только отойти от жилых помещений, как сразу стало холодно.

– Мне всего-то и нужно, что продержаться до рассвета, – сердито буркнула она себе под нос, – надеюсь, лунник поутру меня найдет.

«А зачем ему тебя искать?» – цинично заметила другая половина Малики, вечно сомневающаяся, но при этом язвящая направо и налево, – «сгнула чокнутая ведьма в лабиринтах – и прекрасно, одной проблемой меньше».

– Что значит – зачем? Нет уж, он меня обязательно найдет, – возмутилась ведьма, – он не похож на человека, способного на подлость.

Или все-таки похож? Да и как можно думать о луннике, словно он человек?!!

Запутавшись в собственных измышлениях, Малика решила больше не думать ни о чем таком... Провокационным. Пусть все идет как идет.

Она прислушалась. Впереди ее ждала свернувшаяся клубком тишина. Сзади – тоже. Никто не выл, не рычал, не скреб когтями перламутр на стенах. – «йорггов лунник!»

И Малика неспешно пошла вперед. Ей очень хотелось верить, что граф – это единственная опасность под сводами живого замка.

Ведьма шагала по галерее, которая становилась шире и светлее. Появились окна, да такие, что сквозняки раздували полы халата. Малика на всякий случай решила держаться подальше от этих громадных провалов в стенах, подошла вплотную к стене.

Здесь, как и всюду в замке, чернота вулканического стекла была расцвечена перламутровыми инкрустациями, гигантскими картинами, на которых отпечатались воспоминания лунного лорда. И, поскольку заняться было совершенно нечем, ведьма медленно шла вперед и глазела на страницы этой темной книги.

Малика невольно задержалась напротив одной из них и потрогала переливающуюся всеми цветами радуги фигуру лунного лорда. Здесь он был изображен тощим и узкоплечим на фоне совершенно неузнаваемых холмов. Лунник брел куда-то, понуро опустив голову, а на спине его красовался немыслимых размеров горб.

«Хм», – ведьма потрогала пальцем образование на спине щуплого паренька, отошла подальше от стены. При чем здесь горб-то?

«Скорее, мешок. Сверток с вещами», – поправила она себя, – «спрошу утром...»

Малика и сама не могла понять, почему остановилась и топчется, топчется перед этой перламутровой страницей воспоминаний. Ну, щуплый парнишка. Ну, горб. Или мешок какой. Вроде все в порядке. И холмы вокруг самые обычные.

Но что-то заставляло ее топтаться на месте, переминаться с ноги на ногу. Медленно, очень медленно отходить от стены.

Малике все казалось, что еще шажок – крошечный, малюсенький шажок – и она поймет, разгадает эту картину... Если взглянуть на нее издали...

«Йоргг, а я высоко забралась», – подумала ведьма, глянув мельком в окно.

Свежий ветер Сэлдима так и норовил подхватить ее, словно бумажную куколку, смять и швырнуть вниз, на камни.

Она скользнула взглядом по долине, заросшей ирисами. Свет полной луны как будто собрался в плоску, туман матово светился словно жемчуг на черном бархате. И на самом краю долины снова горел костер, выбрасывая в ночь яркие полотнища.

«Неужели и правда Нэйд?»

Малика поежилась. Все говорило о том, что она, сама того не ведая, полезла в осиное гнездо. Теперь оставалось либо удирать, сверкая пятками, либо... набраться мужества и обкурить дымом зловредных насекомых.

Ведьма опять повернулась к перламутровой картине. Паренек, шагающий с большим мешком. Йоргг, да что он там мог тащить? Здесь он совсем одинок, семья погибла. Ну о каком скарге может идти речь?

«Разве что... это должно быть нечто очень ценное, дороже жизни...» – Малика в сомнении почесала затылок и сделала еще один, последний шаг назад.

А потом... Дыхание застряло в горле.

Из полутьмы-полусвета к ней метнулась серая масса. Где руки, где ноги – не разобрать. Да и были ли эти самые ноги?! Подумать ведьме не дали, совсем.

Что-то резко ударило ее под ложечку, заставляя согнуться пополам. Резкий толчок в плечи... Малика неуклюже взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и – бешеный свист ветра в ушах, а перед глазами только темное небо с воспаленным оком полной луны...

«Всеблагий, я же...»

Она не успела подумать о том, что случится через несколько мгновений. Луна – огромная, багровая, полная крови... завораживала. Отнимала рассудок. Забирала милостиво желание понимать и осознавать происходящее.

– Мама, – одними губами позвала ведьма.

Плывать, что она не помнила своей несчастной матери. Главное, что сейчас она должна быть где-то рядом. Незримая ниточка, выдернутая из изнанки тканого полотна Этернии.

Малику ударили. Снова, в бок. Она перекувыркнулась, раз, другой, затем почему-то носом уткнулась в жесткий мех. Ветер взвыл разочарованно, словно у него отняли желанную добычу, а еще через мгновение Малика упала на камни. Дальше не было ничего, разве что...

* * *

...Небо. Сочное, свежее, умытое.

Малика облизнула пересохшие губы.

Йоргг. Как она здесь оказалась? И тут же с быстротой сапсана, пикирующего на неповоротливого голубя, больно резнула мысль – так я ведь упала! Едва ли не с самого верха башни лунника. На камни. Значит, вот оно какое, царство Эо Всеблагого?

Ведьма попробовала шевельнуться, и это ей удалось. Каждая косточка болела так, словно ее, Малику Вейн, пропустили сквозь мельничные жернова. И именно эта боль, совсем не потусторонняя, вернула ведьму к действительности.

Стоп. Выходит, это прекрасное небо, повисшее над головой словно хрустальная чаша, вовсе не принадлежит изнанке полотна Этернии. Зачем-то Малика подняла руки, повертела ими у себя перед глазами. Руки как руки, по пять пальцев на каждой, а вот здесь, на предплечье, огромный синяк, да еще ссадина.

– Я боялся, что Вы пострадали больше, чем казалось, – прозвучал рядом голос лунника. Малика с облегчением вздохнула: нет, определенно она продолжала пребывать в мире живых. Ибо – как без усталости твердили святые братья – лунник ни коим образом не может попасть в царство Всеблагого. Вот так. Ведьма может, а лунник – нет. Ни под каким видом.

– Я бы не простил себе, если бы вы умерли, – тяжело проговорил граф, – подумать только! Я ничего не смог с собой поделать. Чуть не сожрал собственную гостью.

«Хорош врать-то», – раздраженно подумала Малика.

Но лунника не заставить говорить правду только потому, что тебе этого так хочется. Здесь придется... действовать по-другому. Тоньше, умнее. Самой вплести филигранный завиток в кружево интриги.

Кряхтя и ругаясь сквозь зубы ведьма села и огляделась. Ха! Оказывается, его светлость лунный лорд притащил ее в ирисовую долину, положил на бочок, а сам устроился рядом, кутаясь в то, что осталось от одежды после превращения.

– Я плохо помню, что случилось, – наивно хлопая ресницами, сказала Малика, – а вы, милорд... Как ваше самочувствие?

Вопрос походил на утонченное издевательство. Лунник выглядел так, как мог выглядеть человек с которого сперва содрали кожу, а затем кое-как натянули ее обратно, причем не очень-то аккуратно. Трансформа не прошла бесследно: вид у графа в самом деле был помятым. Кожа на обнаженной груди, на шее, на руках висела складками. Ее стало чересчур много для уменьшившегося скелета.

– Это пройдет, – он удрученно махнул рукой, – сейчас утро. Скоро я буду самым обычным. И между прочим, вам не кажется, что меня можно изредка называть по имени?

– Лунники всегда начинают фамильярничать с теми, кого чуть не сожрали? – Малика поежилась. На земле было свежо, задиристый утренний ветер играл растрепанной косой.

«Тоже мне, нашел, куда притащить. Не иначе как закопать хотел, если помру!»

– Не нужно... так, – пробормотал лунник, – в конце концов я с собой справился. Даже успел поймать вас.

«Вопрос только в том, кто – или что – меня сбросило, не так ли?»

Она, прищурившись, задумчиво разглядывала лунного лорда. К чему ему убивать хозяина гостиницы? Мсть? Или, быть может, возврат давнего, очень давнего долга?

Альвен Рутто сидел на земле, обхватив руками колени, и делал вид, что чрезвычайно заинтересован ближайшим густо-сиреневым, почти черным ирисом. Очень бледная, цветом сродни алебастру кожа подтягивалась на глазах, облегая мускулы словно чулок. Он почувствовал ее изучающий взгляд и обернулся, но в этот миг – Малика была готова поклясться – в золотых глазах кошачьей тенью мелькнул страх.

«Ну, не за меня же он будет бояться, верно?» – хмыкнула ведьма. Затем откашлялась:

– Э-э... граф... Что-то подсказывает мне, что неразумно оставаться в вашем замке еще на одну ночь. Вы не могли бы... посодействовать... В общем, здесь нет второй гостиницы, так ведь?

– Уезжайте отсюда, – беззвучно произнес лунник, – не обременяйте мою совесть никому ненужной смертью.

Она усмехнулась. Затем, морщась, подобралась к неподвижному графу и положила ладонь ему на плечо. Лунник вздрогнул, но не отстранился, и Малика, замирая от собственной наглости, приблизила свои губы к слегка заостренному уху.

– С чего вы взяли, граф, что я собираюсь помирить? Теперь я точно никуда отсюда не уеду. До тех пор, пока не увижу всю картину так, как она и должна выглядеть. До тех пор, пока справедливость не восторжествует, зло не будет наказано, а Хаор не отправится в посмертие, где ему самое место.

– Еще одна чокнутая ведьма, – лунник вздохнул, – поступайте, как знаете. Я не буду препятствовать, но помогать тоже не буду. Как я уже говорил раньше, мне наплевать на то, что творится в банке с пауками.

Малика приподняла брови с видом оскорбленной невинности.

– А как же поход к кургану?

Золотые глазищи превратились в зеркала, в которых отражалась взъерошенная, воинственно настроенная и оттого смешная Малика Вейн.

– Мы поедем туда после обеда. После того, как я смогу спуститься в город и устроить вас в гостинице.

– Вот и замечательно. Помогите мне, пожалуйста, подняться.

...Опираясь на крепкую руку графа, Малика неспешно брела к подножию замка. Даже не брела, ковыляла. Суставы, связки, сухожилия – все болело невыносимо, заставляя скрипеть зубами. К тому же, ведьма продолжала *думать*, и это было хуже всего – когда при всем желании не можешь вышвырнуть прочь собственные мысли. Хотя... гнать бы их, эти мысли, поганой метлой. Особенно когда тебя под ручку ведет молодой красивый мужчина. Да-да, красивый! Кожа подтянется, и все будет как в тот раз, когда он вошел под своды гостиницы «Кубок лунника».

– А много ли вы знавали ведьм, граф? – поинтересовалась Малика, томно склонив голову к плечу лунного лорда.

– Пусть это будет моим маленьким секретом, – усмехнулся он.

Преступления забытые и не очень.

Появление Малики в городке было сродни тому, как если бы на главной базарной площади разверзлась мостовая и оттуда, потрясая пламенеющим хвостом и аспидно-черными ветвистыми рогами, вылез сам йоргг. Никто, правда, не пытался ретироваться с воплями и молитвами Всеблагову, но вокруг ведьмы и графа Рутто очень живо образовалось пустое пространство. Шепоток – «ведьма, ведьма!» – расходился по городу как круги по воде, и поэтому, когда Малика достигла порога незабвенного «Кубка лунника», там ее уже ждали. Естественно, инспектор Берн.

– А-а, вот и вы, госпожа Вейн! – зловеще приветствовал он. Через секунду его лицо разочарованно вытянулось, – и вы, граф! Доброго дня, милорд! Чем обязаны... такой чести?

Лунник остановился, не входя в гостиницу, Берн, шепча имя Всеблагого, двинулся ему навстречу – и между ними завязался долгий нудный разговор, смысл которого заключался в том, что граф изъявлял желание поселить госпожу Вейн в гостинице, а инспектор горячо протестовал, ссылаясь на возможные беспорядки в городе. Пока они торговались, Малика без особого интереса глазела на Берна, мысленно пытаясь занести последнего в список отъявленных негодяев. Ну, а что? Чем не мерзавец? Малого роста, на пол-головы ниже самой Малики, он подпрыгивал на месте и вертелся, напоминая дрессированного бульдога, которого бдительные хозяева натащали для охоты на ведьм. Выдающиеся челюсти и глубоко посаженные водянистые глазки усиливали сходство, не хватало только кривых клыков, выглядывающих из-под нижней губы. Малика поразмыслила еще немного, пытаясь ответить на вопрос – а что же ее, собственно, так раздражает в инспекторе. Затем пришла к выводу, что привычка постоянно снимать и надевать шляпу, приглаживая при этом короткие пегие волосы, может кого угодно привести в бешенство.

И все же, все же...

«Никакой он не гад, не мерзавец и не сволочь», – подумалось ведьме.

На фоне инспектора граф Рутто смотрелся элегантно, изысканно и даже чуточку экстравагантно – отдавая дань временам своей юности, не забывая собирать волосы в короткую косичку, всегда выбирая длиннополый сюртук и белоснежную сорочку с кружевным жабо и манжетами. Старомодно, конечно – но красиво, йоргг возьми! Только вот если на лбу инспектора только что не было написано: «я – честный и законопослушный житель Блюменса», то чело графа украшала руна тайны. Нет, даже не так – Тайны с большой буквы. Серебристый свет Ночной Странницы, смешанный с первозданной тьмой небытия, полусвет и полумрак. И никогда не угадаешь, что на уме у этого странного существа, от рождения посвященного луне...

«Ах, как романтично, йоргг меня побори!» – Малика хмыкнула, – «все, что мне осталось – это влюбиться в графа, чтобы потом обличить его во всех совершенных преступлениях...»

Между тем спор завершился полным поражением Берна, который, вероятнее всего, не устоял перед последним аргументом лунника. Ну, тем самым, про лунную немочь и про собственную забывчивость.

Инспектор на каблуках повернулся к Малике, смерил ее ненавидящим взглядом. Вот что на самом деле было страшно: губы растянуты в вежливой улыбке, а в глазах – смерть, смерть... Если мог бы, то отправил на костер. Без суда, следствия и угрызений совести. Берн процедил:

– Госпожа Вейн. Коль скоро граф настаивает на том, чтобы вы провели еще несколько дней в нашем городе, я не буду чинить этому препятствий. НО. Попрошу вас, госпожа Вейн, не покидать гостиницы в одиночестве. Здесь вам не Пражен, и не Академия. Люди недовольны тем, что в их город приехала ведьма... Надеюсь, я доходчиво объяснил?

– Безусловно, – сухо ответила Малика.

Лунник смерил ее долгим тревожным взглядом, затем поднял саквояж.

– Прошу вас, госпожа Вейн.

Еще миг – и рука Альвена Рутто опустилась ей на талию, обжигая сквозь муслин неожиданным теплом, легонько подталкивая к входу.

«Клянусь именем Всеблагого, он это специально делает, чтобы позлить Берна», – Малика все же оглянулась на инспектора. Тот, яростно плюнув себе под ноги, зашагал прочь.

– Мне кажется, вы рискуете, граф, потерять расположение жителей города, – промурлыкала ведьма.

– Вы постоянно забываете, что у меня есть имя, – он усмехнулся, чуть склоняясь к ней, – а могли бы и помнить, особенно после того, что между нами было этой ночью...

– Я ценю ваше чувство юмора, граф Рутто, – Малика вывернулась из легких объятий лунника, толкнула дверь гостиницы, – кстати, а кто теперь ведет дела злополучного «Кубка»?

Граф, продолжая улыбаться, задумчиво потер подбородок.

– Кажется, дела наследует младший брат убитого. У бедняги Арата не было ни жены, ни детей. Видите, на самом деле мы с Аратом мало чем отличались друг от друга...

– Спасибо, граф, – Малика склонилась в зауценном реверансе, – вы снабжаете меня чрезвычайно полезными сведениями. Когда мы отправимся посмотреть курган?

Лунник извлек из кармашка жилета часы.

– Сейчас два часа дня. Ровно в четыре я заеду за вами, госпожа Вейн, а сейчас – позвольте откланяться.

...Малика несколько минут смотрела в спину удаляющегося Альвена Рутто. Она вдруг поймала себя на том, что ей – ну очень хочется, чтобы этот получеловек оказался невиновным. В полном смысле этого слова. Затем она, вздохнув, подняла саквояж и решительно шагнула под тяжелые своды старой гостиницы. Вторая попытка, иначе не назовешь.

* * *

Все оказалось немного не так, как предполагал граф Рутто. Малику встретил вовсе не крепыш, похожий на убитого, а усталая блондинка с тусклым взглядом. Застиранное платье, бывшее когда-то нежно-голубым, несвежий воротничок – но при этом ухоженные руки, старательно отполированные ноготки, несколько дорогих колец...

«Любопытно», – подумала Малика. А вслух спросила:

– Вы, верно, родственница убитого?

Блондинка оставила вопрос без внимания, коряво записывая имя ведьмы в толстую книгу.

Жалкое, безликое создание, как будто чья-то тень.

Потом ведьма повторила вопрос, в упор разглядывая тонкие черты женщины. Казалось, она чем-то сильно встревожена. Или даже... скорее... убита горем?

– Простите? – блондинка словно очнулась, растерянно взглянула на Малику.

– Вы родственница убитого? – в третий раз терпеливо поинтересовалась ведьма.

Женщина устало оперлась локтями о конторку.

– Да, госпожа Вейн. Я Жанна, супруга Дина, а он приходится братом Арату – да упокоится он близ Всеблагого Эо! Прошу вас, ваша комната под номером восемь.

И она снова начала уплывать в мир собственной печали.

– Вы забыли про ключ, – напомнила Малика.

– Ах, да, простите. Вам вверх по лестнице.

– Благодарю.

Ведьма заторопилась прочь, в который раз задаваясь вопросом – почему? Почему эта женщина изводит себя тяжкими раздумьями? Почему у нее дивные ухоженные руки и при этом серый заношенный воротничок? Скорбит по погибшему настолько, что ей стало совершенно

наплевать на собственный вид?.. Стоя на последней ступеньке лестницы, Малика вскользь глянула на Жанну – та уронила голову в ладони, узкие плечи вздрагивали.

«Йоргг знает что», – и Малика двинулась дальше в поисках комнаты номер восемь, – «слишком сильная привязанность к старшему брату мужа, хм...»

Потом она осматривала комнату, разбирала вещи, и все думала, думала...

Малика прилегла на жесткую кровать. Арат, судя по всему, очень старался, обустроивая свою гостиницу: в комнате было все, что могло понадобиться путешественнику. И пузатый шкаф, и маленький письменный столик, и пара стульев. Потолок был побелен, стены – оклеены голубыми бумажными обоями. Шторы цветом вторили покрывалу на кровати и напоминали о благоуханных букетах незабудок, правда, слегка поблекших и увядших.

Ведьма прикрыла глаза. Хорошо вот так лежать, ни о чем не думая. Ночка выдалась непростой, каждый сустав, каждая мышца ныли и болели, бессовестно напоминая о падении из окна.

«Он меня спас, поборов силу Ночной странницы», – эта мысль серебряной рыбой блеснула на темной поверхности дремы, – «но кто-то же хотел меня убить?.. Тот, кто может безнаказанно гулять по замку лунного лорда?»

Она неумолимо проваливалась в сон, и бороться не было сил. Кровать, убранная синим покрывалом, показалась Малике мягче пуха, мысли стелились в голове, словно туман по чаше Ирисовой пустоши.

«Он, конечно, неординарная личность», – медленно размышляла ведьма, – «но, кажется, не убийца... точно не убийца...»

И тут ее осенило.

Ох, ну какая же она слепая дура! Ведь все может оказаться куда проще, чем кажется. У Арата не было семьи? Печально, но ничего не поделаешь. Зато убитому посчастливилось иметь младшего брата, который, «в случае чего», должен был унаследовать гостиницу. Просто и ясно, ничего лишнего...

Правда, оставалось еще немало вопросов – Нэйд, написанное неведомо кем и адресованное ей, Малике, приглашение, потревоженный курган Хаора, нечто, выбросившее ее из окна башни... Ну, и конечно же – неизвестный, воткнувший кинжал в спину Альвену Рутто, как будто это был вовсе и не лунник, а выложенный на тарелку праздничный пудинг.

«Но, пожалуй, стоит расспросить этого... как его там... Дина», – решила ведьма, – «так, подруга, довольноваться. Тебя ждут великие дела!»

Она открыла глаза – исключительно для того, чтобы встретиться взглядом с лунным лордом, который, закинув ногу на ногу, преспокойно сидел на табурете и молча взирал на ведьму.

Случись нечто подобное лет десять назад, когда Малика Вейн была юной и застенчивой девицей, она бы непременно подскочила на кровати и, как минимум, завизжала. А потом отвести бы пощечину нахалу, не просто пробравшемуся в ее спальню, но еще и посвятившему разглядыванию ее обнаженных лодыжек неведомо сколько времени. Но – увы, увы! – десять лет промелькнули, как будто их и не было, словно дым, уносимый злым северным ветром. Улетели годы, оставив памятные знаки на лице и сердце: тонкие, едва заметные морщинки у внешних уголков глаз и рта, и жесткие, незаживающие рубцы на сердце. Ведь в двадцать лет так хочется любить и быть любимой! А для этернийской ведьмы, оказывается, это слишком. Ты – можешь любить, кого угодно и сколько душе угодно. Но обрести взаимность – это все равно, что сделать из упыря человека. Практически невозможно и подобно чуду. И тогда, чтобы сердце не захлебнулось в собственных кровавых слезах, важно вовремя выкорчевать это дурацкое желание не быть одинокой. Тот, кто не позволяет себе стать одиноким, до конца дней своих будет просто свободным.

И поэтому Малику, поистине свободную ведьму, больше не смущал тот факт, что на ее лодыжки кто-то там поглазел. В конце концов, не отгрыз же кусок! Усмехаясь в душе, она

неторопливо приподнялась на локте, сонно отбросила назад непослушные прядки и поинтересовалась:

– Разве вас, граф, не учили стучаться в комнату к даме?

– Не учили, госпожа Вейн, хотя я уже просил вас не величать меня так. Пока я рос в семье, знаете ли, вопросам этикета уделялось мало времени. А когда не стало семьи, они и вовсе отошли на второй план.

– Что ж, это вас извиняет, – она широко улыбнулась. Пальцы лунника, сцепленные на колене, едва заметно подрагивали. Волнуется? Ну-ну. – также как и меня. Я не привыкла фамильярничать с мало знакомыми людьми или даже лунниками.

– Надеюсь, вы не забыли о том, что назначили мне встречу, – негромко продолжил граф, – вы даже убедили меня в том, что мы обязаны посетить курган Хаора. И что же? В назначенное время я с лошадьми прибываю к гостинице, час провожу в бесплодном ожидании...

– Час? – она всполошилась. Не заметила, как задремала! Ой, как нехорошо...

– Час, – желтые глаза переливались в полумраке словно два топаза, – я начал беспокоиться и решил подняться, чтобы удостовериться... Что с вами, госпожа Вейн, не случилось ничего дурного...

– А что, могло?..

– Теперь уже не важно, – он отмахнулся изящным аристократическим жестом, а Малика заметила перстень на правой руке лорда, яркий сапфир в массивной оправе. – главное, что вы в полном порядке, и что теперь мы можем беспрепятственно отправиться к кургану. Ведь так?

– Конечно, конечно, – пробормотала Малика, спуская ноги с кровати.

Туфли нашлись сразу, и через минуту ведьма уже заплетала в косу свои легкие, как пух, волосы. Жаль, Арат не додумался повесить в номер зеркало, даже самое маленькое! Она механически разгладила складки на муслиновой юбке, подхватила со спинки стула редингот, затем – шаль. Лунник молча наблюдал за сборами, он все сидел, закинув ногу на ногу, и задумчиво покачивал носком начищенного до блеска ботфорта.

«Умыться бы», – подумала ведьма, огляделась в поисках кувшина с водой, но таковых не оказалось, – «йоргг, ну и ладно. Ветра Ирисовых пустошей освежат ничуть не хуже».

– Ну вот, я готова.

– Хорошо, – лунник позволил себе скупую улыбку, – тогда, госпожа Вейн, курган ждет нас.

Они спустились по скрипучей лестнице, миновали темный и неприветливый холл «Кубка Лунника». И – после душного помещения Малика задохнулась от свежего ветра Сэлдима, от сладковатого аромата ирисов. Зажмурилась на миг оттого, что прямо в глаза било закатное солнце, яркое, словно плоды померанца, повисшее меж облаков, которые походили на лебяжий пух.

Потом, резко выдохнув, Малика прищурилась на угрюмые каменные стены домов. Точно, бородавки на светлом лице пустоши! Нет им здесь места, но как объяснить это горожанам?

– Позвольте, я помогу, – она оперлась на руку лунника, легко вскочила в седло.

– Здесь очень красивое место, граф.

Он, уже в седле, скривился и неопределенно пожал плечами.

– Вы на самом деле так думаете? По мне, так во всем мире не сыскать местечка более гнилого и отвратительного, чем Блюменс. Но, возможно, так говорит моя память. А у вас, госпожа Вейн, свежий взгляд, незамутненный прошлым.

Лунник тронул поводья, и его тонконогий жеребец изумительной шоколадной масти взял с места рысью. Малике ничего не оставалось, как следовать за ним – сперва по брусчатке, затем по дороге, отсыпанной битым известняком. Прочь из города, навстречу запаху ирисов и ветру, рождающемуся у подножия Солнечной горы.

Она подставляла лицо закатному солнцу, и силуэт графа казался черным словно провал в полотне Этернии. Ей хотелось распахнуть несуществующие крылья и взлететь, а розоватый пух облаков походил на сахарную вату, которую так любят дети. А еще – сушая глупость, конечно же! – в душе просыпалось желание спешиться, и кружиться, кружиться, глядя в густую лазурь над головой...

– Воистину, память есть проклятие, – прозвучал рядом насмешливый голос лунного лорда.

– Может быть, – она улыбнулась. Пусть себе язвит, сколько заблагорассудится!

– Как вы находите пустоши?

Малика натянула поводья. Они стояли на небольшой возвышенности, на самом краю сиреновой чаши, которая простиралась до самого горизонта и там исчезала в лиловой дымке.

– Они прекрасны, граф. Однако, я не вижу кургана.

– Курган, к моему прискорбию, почти сравнялся с землей, – тихо ответил лунник, – люди не очень-то старались, слишком торопились закопать Хаора и его семью. Даже не пытались сделать могильник вечным. Едем же!

Альвен пустил жеребца галопом, а Малика невольно залюбовалась тем, как он держится в седле. Потом, немного погодя, граф натянул поводья.

– Дальше придется идти пешком, госпожа Вейн. Я так давно был здесь в последний раз, что могу и пропустить то место, где зарыты останки ведьмака.

Малика не стала возражать. Ей даже нравилось, как шелестит муслин, задевая сочные цветки ирисов, как похрустывают под каблуками зеленые побеги. Лунник обернулся, хмуро поглядел на нее.

– Я не подумал, что вам будет неловко в длинной юбке.

– О, ничего страшного, граф, – в мыслях она продолжала парить высоко в небе.

– Обопритесь на меня, госпожа Вейн. Так мы будем передвигаться куда быстрее.

Ощущение дорогого сукна под пальцами лишь улучшило настроение Малики. Подобрав свободной рукой подол платья, она энергично зашагала вперед, даже немного опередив графа и отпустив его руку. Наверное, зря... Потому что каблук подвернулся в ложбинке, или зацепился за что-то. Падая, Малика успела помянуть Йоргга и заверещать как кролик в зубах лисы. Она видела, куда падает, но ничего не могла сделать – а летела она прямехонько на окоченевшее, выгнувшееся дугой, посиневшее и раздувшееся тело. Из-под левой лопатки загадочно поблескивала рукоять стилета. Кстати, рукоять эта очень походила на ту, которая в недавнем прошлом торчала из спины лунного лорда.

* * *

...– Госпожа Вейн?

– Ох.

– Я вас успел поймать.

«С чего бы это?» – вспышкой промелькнула тревожная мысль. И следом – кошмарное, леденящее кровь в жилах видение. Оскверненная, растоптанная красота долины. Нарушенный покой кургана... Убийство.

Малика непроизвольно сжалась в комок и закрыла ладонями лицо. Граф продолжал мягко обнимать ее за плечи, легонько раскачивая из стороны в сторону.

– Вы меня не перестаете удивлять, – его дыхание запуталось в растрепавшейся прическе, – женщина, которая самостоятельно осматривает тело в гостинице, лишается чувств, падая – всего-то! – на окоченевший труп.

– Мне вот что любопытно, граф Рутто, – Малика с трудом ворочала языком. Во рту плавала тошнотворная горечь, неизменная спутница пережитого страха. – любопытно... Когда

вы наконец перестанете язвить? Право же, всему есть разумный предел, даже тому, что вы считаете верхом остроумия!

По бледным губам лунника скользнула усмешка.

– Ну вот. Мне кажется, что вам уже лучше, госпожа Вейн.

И он отпустил ее, даже отошел на шаг.

Малика покосилась на неподвижное тело, застывшее в ирисах.

– Вы знаете этого человека, Альвен?

Лунник непринужденно повел плечами, затем присел на корточки рядом с мертвецом и без видимого усилия перевернул его набок. Малика сглотнула кислую слюну и, подобрав подол платья, приблизилась. Убитому могло быть лет сорок, а может и больше – точно не скажешь. Вместо лица – почерневшая бесформенная подушка, слипшиеся жидкие волосы, в которых деловито копошились жуки. Ведьма почувствовала, как к горлу подкатила тошнота, и отвернулась, задышав глубоко-глубоко.

– Не нужно вам на это смотреть, – вздохнул граф, – я знал этого человека. Это младший брат убитого Арата, Дин.

– Тот, кто должен был унаследовать «Кубок лунника»? – прохрипела ведьма, все еще пытаясь удержать скромный обед в пределах желудка.

– Имен-но! Совершенно верно, госпожа Вейн. Любопытно, не правда ли? Стоит задуматься над проклятием Хаора. Сперва Арат, теперь Дин...

– Мне показалось, что под ним какая-то книга. Дайте мне ее, граф.

– Слушаюсь и повинуюсь.

– Вы в самом деле верите, что их убивает призрак несчастного ведьмака?.. О-о-о!

Последний звук, невольно вырвавшийся из горла Малики, относился к книге. Ведьма стряхнула с кожаного переплета комки грязи и налипшие травинки. Вот так дела! Кто бы мог подумать?!!

– Ваше «О-о-о» звучало многообещающе, – лунник заглянул ей через плечо, – так во имя каких знаний столь трагично погиб Дин?

Малика помолчала. Осторожно полистала старый томик, нашла нужную страницу и ткнула пальцем в заглавие, начертанное витиеватыми буквицами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.